

Андрей Троицкий

ФАЛЬШАК

АСТ ПРЕСС

Андрей Троицкий

Фальшак

«Андрей Троицкий»

Троицкий А. Б.

Фальшак / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,

Уличный громила убивает и грабит бывшего работника Гознака – пенсионера Нифонтова, но уже на следующий день по-глупому попадает на рынке при попытке сбыть золотые безделушки. Банальное ограбление начинает приобретать совсем другой – серьезный оборот, когда в квартире убитого следствие находит пачки фальшивых долларов. Фальшак оказался подделкой высочайшего класса. В запутанную историю по воле случая оказался втянутым ни в чем не повинный художник Леонид Бирюков. Попав в головокружительный переплет, из которого, кажется, нет возможности выбраться живым, Леонид решается вступить в жестокую схватку с безжалостными преступниками...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	31
Глава пятая	40
Глава шестая	49
Глава седьмая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Андрей Троицкий

Фальшак

Глава первая

Допрос убийцы продолжался всего-то сорок минут, но старшему следователю межрайонной прокуратуры Олегу Липатову уже до колки в печенке надоел человек, сидевший через стол от него. Мужик лет сорока с загорелым дочерна лицом, могучего сложения, с тяжелыми, как пудовые гири кулаками, сутулил спину и таращился в забранное решеткой окно следственного кабинета. Время от времени, отвечая на вопросы, он гладил пальцами синий кровоподтек на левой скуле или почесывал заусенции на руках.

Звали человека Николай Осадчий, четыре месяца назад, еще в апреле он приехал из Тернополя в Москву и нашел какую-то работу на стройке, но быстро смекнул, что класть кирпичи и таскать носилки с раствором, слишком утомительное занятие. Осадчий пособачился с прорабом, поставил ему штампель под глазом, получил расчет и ушел. Пропив деньги, устроился грузчиком, катал тележки с овощами на продовольственном рынке. Но и с этой работой вскоре пришлось проститься, за пару необдуманных резких выражений, которые со зла позволил себе новый грузчик, его едва не порезали державшие рынок азербайджанцы.

Осадчий прочно сел на мель, перебивался случайной халтурой, разгружая фуры у магазина бытовой химии, подрядился побелить потолки на кухне и в прихожей, переклеить обои одной вдовой женщине, обещавшей хорошо заплатить за работу. Но вдова оказалась прожженной бабой, она мучительно долго торговалась за каждую копейку, в конце концов, сунула ему какие-то гроши, пообещав окончательный расчет в конце лета. За полтора месяца он задолжал старухе, у которой снимал угол. Последнюю неделю, что провел на свободе, Осадчий уже не искал работу, пролеживая бока на диване, он целыми днями пялился в экран черно-белого телека, принимавшего одну-единственную программу. Скреб ногтями затылок и посылал к чертовой матери хозяйку квартиры, когда та пыталась робко напомнить о долге за жилье.

Второго августа он встал с дивана, обложил старуху матом и куда-то ушел. А в середине дня хладнокровно убил и ограбил пожилого мужчину.

– Теперь подпиши вот эту бумажку, – Липатов вытащил из папки и положил на противоположный край стола постановление о привлечении Осадчего в качестве обвиняемого.

– А что это такое? – Осадчий почему-то разговаривал густым простуженным баском, хотя город плавился от жары, а в одиночке, где содержали обвиняемого, температура не опускалась ниже тридцати градусов.

– Путевка в дом отдыха с усиленным питанием. Что же еще?

Осадчий заслужил медаль за тупость, даже орден. Он, плохо понимавший простенькие шутки, посмотрел на следователя тусклыми глазами замороженной рыбы и, обречено вздохнув, начал читать бумагу, водя по строчкам указательным пальцем. Осадчий хмыкнул, в прокуратуре подумали и запоздало решили пришить ему еще одну статью: сбыт поддельных денег или ценных бумаг. С чего бы это?

– Обрати внимание на то, что написано на обратной стороне листка. Там тебе разъяснены права обвиняемого на предварительном следствии. Ты имеешь право заявлять ходатайства, отводы следователю и прокурору, разумеется, при наличии веских оснований. Можешь даже написать на меня жалобу прокурору по надзору Скоробогатову. Видишь, сколько у тебя прав.

– Много, – усмехнулся Осадчий.

– Но если ты воспользуешься одним из них, окончательно отравишь свое существование. С тобой непременно произойдет неприятность. На башку свалится что-то тяжелое. Или грыжу, на боли в которой ты жаловался вчера, контролеры прищемят дверью.

– Я надорвался на работе, – буркнул Осадчий. – Я не специально эту грыжу выращивал.

– На работе? – переспросил Липатов.

Он распрямил плечи, развел в стороны локти и потянулся до треска в суставах. Липатов знал, что Осадчий не станет заявлять протесты и строчить жалобы. Не станет отпираться или на суде отказываться от своих показаний, полученных в ходе предварительного следствия. Его вина полностью доказана, неопровержимых прямых улик – вагон, на троих хватит. Осадчий задержан на следующий день после убийства, когда на вещевом рынке он пытался сбыть золотой перстень старика. В комнате, где устроил свое лежбище Осадчий, нашли вещи убитого, а также темные брюки с кровавыми брызгами, которые Осадчий пожалел выбросить, даже не застирал. Заключение экспертов подшито к делу: кровь принадлежит убитому Нифонтову Дмитрию Гавриловичу. Редкая четвертая группа, резус положительный. В квартире пострадавшего обнаружены отпечатки пальцев убийцы и микроволокна тех самых брюк со следами крови.

Кроме того, есть свидетели, молодая парочка, которая видела, как мокрушник с двумя плотно набитыми баулами выходил из подъезда, где жил покойный. С Украины пришел ответ на запрос московской прокуратуры. Николай Осадчий, тридцати восьми лет, действительно проживал в Тернополе на улице Шевченко, состоит в разводе с женой, дважды привлекался к уголовной ответственности: за нанесение побоев средней тяжести и уличный грабеж. Последний срок отсидки закончился около года назад, Осадчему скостили два года за образцовое поведение, как зеку, прочно вставшему на путь исправления. Он работал на промышленной зоне наладчиком оборудования в швейном цехе и по праздникам выходил на сцену клуба, играл на гармошке, аккомпанируя участникам художественной самодеятельности.

С этим типом все понятно, Осадчий – ни на что не годный общественный отброс, место которому на каторге. Наверняка на его совести не одна загубленная жизнь, но копаться в темном прошлом – дело неблагодарное. Возможно, всплывут несколько криминальных эпизодов. И что с того? Возни много, а результат? Сомнительный. К тому же жалко тратить время на следственные действия и протокольную писанину. Суду достаточно будет одного убитого старика, чтобы намотать Осадчему на полную катушку. Главное, преступление раскрыто по горячим следам, картина ясна, как божий день, убийца изобличен. Но перед Липатовым стоит совершенно иная задача. В деле остается одно темное пятно, некое обстоятельство, из-за которого ему, старшему следователю межрайонной прокуратуры, было передано это, на первый взгляд, рутинное дело. Дело, с которым бы легко справился мальчишка дознаватель.

Осадчий размашисто подписал постановление, положил ручку на стол и снова принялся ковырять заусеницу на ладони.

– Ну, а теперь я снова хочу тебя послушать. Давай с начала. Весь тот день, двадцать пятое июля, от начала до конца. Итак, ты проснулся в восемь утра на своем диване...

Осадчий кивнул и посмотрел на пачку сигарет, лежавшую на папке, просительно заглянул в глаза следователя.

– Угощайся, – кивнул Липатов.

* * *

...Осадчий проснулся, глянул на циферблат наручных часов, которые не снимал на ночь. Около восьми утра. Он сбросил с себя простыню, сел. Пружины продавленного дивана скрипнули под его тяжестью. Ветерок, влетающий в распахнутую настежь форточку, тербил застиранную ситцевую занавеску. Раннее утро, а духота как солдатской бане к концу помывочного

дня. На кухне Мария Павловна Грибкова, старуха хозяйка, просыпавшаяся ни свет ни заря, громыхала пустыми кастрюльками. Осадчий разглядывал убогую обстановку комнаты. Сервант с облезлой полировкой, старый телевизор на тумбочке, плакат с голой девицей, пришпиленный к стене конторскими кнопками, стол у окна. На остатки вчерашнего ужина, пустую банка из-под кильки и хлебные крошки, слетелась мушиная стая. Осадчий ни о чем не думал, он все уже решил для себя, забивать голову лишними мыслями, в сотый раз просчитывая все варианты, не хотелось.

На ходу подтягивая трусы, он отправился в ванную, столкнулся с хозяйкой Грибковой. Старуха поджала губы, не проронив ни слова, испуганно шмыгнула в свою комнату, повернула ключ во врезном замке, словно боялась, что квартирант, вставший не с той ноги, выполнит недавнее обещание и ненароком зашибет ее в темном коридоре. Приложит кулаком так, что Грибкова вылетит из тапочек, очнется уже в больнице. Очнется только для того, чтобы прочитать в глазах палатного врача, склонившегося над ее койкой, свой смертный приговор.

Процедив сквозь зубы пару крепких ругательств, Осадчий встал перед зеркалом, размазав пену по лицу, долго скреб подбородок тупой бритвой. Через час он, перекусив чем Бог послал, натянул на себя единственную приличную рубашку и модные темно синие брюки, купленные на толкучке еще в ту пору, когда его не выперли с работы, а в карманах шуршали деньги. Закрыв дверь дубликатом ключа, спустился вниз по лестнице. Правый карман брюк оттягивала килограммовая весовая гирия с просверленной дырочкой, в которую Осадчий пропустил короткий капроновый шнурок. Он пересек сквер, засаженный низкорослыми тополями, впитавшими в себя всю пыль московских улиц, дворами вышел к метро, но не стал спускаться в подземку. Взял курс к Таганке, к той самой стройке, на которую устроился еще весной, как только приехал в Москву на заработки. Неподалеку от жилого дома, который уже подвели под крышу, находился обменный пункт валюты, где рабочие из Украины и Молдавии в день получки меняли на зелень трудовые рубли.

Осадчий никуда не торопился, он медленно шагал по раскаленному тротуару, размышляя о том, что его мытарства в Москве, в этом поганом бездушном городе, где он не завел ни друга, ни любовницы, даже собутыльника не завел, подходят к концу. Если все получится, как задумано, уже не этой неделе он вернется в Мариуполь обеспеченным по тамошним меркам человеком. Осенью погуляет, а зимой устроится рабочим на рыбную копильню. Сейчас ему нужно совсем немного: чайная ложка удачи. Он завернул в парикмахерскую, велел мастеру постричь его и побрызгать самым хорошим одеколоном, какой только найдется, «тройным» или «шипром». Цветущий, полный сил мужчина должен хорошо пахнуть.

Заранее облюбованную позицию в двадцати метрах от обменного пункта, Осадчий занял около полудня. В обменник зайти не решился, чтобы не засветиться. Пересчитав мелочь, купил в палатке бутылку пива, устроился на лавочке, стараясь произвести впечатление праздного человека, утоляющего похмельную жажду. Собственно, сам обменный пункт – это крошечное помещение на первом этаже старого украшенного лепниной здания. Внутреннюю площадь делит между собой закуток фотоателье и железная будка, в которой сидит кассирша, защищенная пуленепробиваемым стеклом. Не притрагиваясь к пиву, Осадчий косил взглядом на дверь обменника. Время текло медленно, наплыва посетителей не наблюдалось. Дверь открывали прикинутые по моде молодые люди, сопливые девчонки и мальчишки из ближайшего института, скромно одетые женщины. Кильки, шелупень, которая больше полтинника не меняет. Осадчий ждал. После обеда, асфальт раскалился от зноя, как мартеновская печь, от пива не осталось и следа, в глотке пересохло, но терпение было вознаграждено.

Около двух часов дня к двери обменника приблизился пожилой мужчина, прихрамывавший на правую ногу. Осадчий смерил клиента взглядом. Коротко стриженные седые волосы, светло бежевый костюм, золотая печатка на пальце, дорогие туфли. Старик открыл дверь и переступил порог, в помещении он пробыл две минуты, слишком короткое время, чтобы сде-

лать фото. Значит, менял бабки. Снова появившись на улице, старик не спешил уходить. Неожиданно он двинулся прямо к Осадчему, даже не посмотрев в его сторону, присел на другой край скамейки, достал клетчатый платок и промокнул лоб, на котором выступили мелкие капельки испарины. Как выяснилось позже, старика звали Дмитрием Гавриловичем Нифонтовым. Кажется, дед хотел передохнуть после изнурительной прогулки по солнечной стороне улицы.

Но через пару минут между стариком и Осадчим приземлился средних лет мужчина, одетый в светлую безрукавку и летние брюки. Мужчина наклонился к старику и что-то ему сказал. Ясно, встретились знакомые. Осадчий отвернулся, стараясь не выдавать своей заинтересованности. Он не слышал ни слова из всего разговора, потому что тихие голоса покрывал уличный шум. Минут через десять беседа подошла к концу. Мужчина, тряхнув руку старика, растворился в потоке пешеходов. Нифонтов сидел еще пару минут, медленно поднялся и, припадая на больную ногу, зашагал обратной дорогой. Осадчий не двинулся с места. Мучаясь вопросом, сколько денег на кармане у хромоногого, он ерзал на скамейке еще несколько минут, зная, что легко догонит свою жертву. Наконец встал и зашагал следом за Нифонтовым, медленно сокращая дистанцию.

* * *

Старик жил приблизительно в двух кварталах от обменного пункта, в девятиэтажной панельной башне. Когда подошли к дому, к настезь распахнутой двери подъезда, Осадчего и старика разделяло метров двадцать. Если бы лифт стоял на первом этаже, дед наверняка успел сесть в него, нажать кнопку своего этажа, тогда пришлось бы возвращаться на ту же скамейку и снова жариться на солнце, ожидая, когда в обменник заглянет какой-нибудь жирный гусь, нашпигованный деньгами. Осадчий прибавил обороты. Нырнув в темное парадное, как в глубокий темный колодец, он взлетел вверх на несколько ступенек и увидел перед собой худую спину старика, ожидавшего, когда спустится лифт. Нифонтов обернулся, услышав шаги, но в полумраке парадного не узнал человека, с которым несколько минут назад сидел на одной скамейке. Двери открылись, он вошел в кабину, Осадчий шагнул следом. «Вам какой этаж?» – вежливо спросил он. «Седьмой, пожалуйста». «Мне выше», – Осадчий, встав в пол-оборота к старику, ткнул пальцем в кнопку седьмого этажа.

Правую руку он опустил в карман, нащупал пальцами капроновую веревку, протетую в дырку весовой гири, пошевелив пальцами, натянул петлю на запястье. Старик вздохнул, съедаемый какими-то своими невеселыми мыслями, втянул в себя густой аромат «шипра», и наморщил нос. Запах ему не понравился. Когда кабина остановилась, Осадчий прислонился к стенке, давая дорогу попутчику, потянул гирьку из кармана. Старик вышел на площадку, свернул направо к своей квартире. Тут Осадчий выскочил из кабины, как чертик из коробки. Отработанным до автоматизма ударом, впел гирю в затылок жертвы. Что-то хрустнуло. Шейный позвонок или затылочная кость, не понять. Даже не вскрикнув, старик опустился на колени и ничком повалился на выложенный плиткой пол.

Где-то внизу хлопнула дверь, послышались голоса, женский голос с противной визгливой ноткой. Кажется, мать отчитывала ребенка. Кабина лифта пошла вниз. Осадчий, встав на колени, ощупал карманы старика, выудил несколько ключей на металлическом кольце. Кабина остановилась на первом этаже. По правую сторону, куда двинулся старик, выйдя из лифта, двери четырех квартир. Осадчий вскочил на ноги, за короткое мгновение определил, где именно живет пенсионер. Без очков видно, что толстый фигурный ключ от врезного замка подходит к единственной двери. Он нажал кнопку звонка квартиры под номером пятьдесят четыре: следует убедиться, что там никого нет. Один звонок, второй... Кабина лифта подни-

малась наверх. Осадчий сунул ключ в замочную скважину, повернул на два оборота, затем занялся верхним замком.

Если кабина остановится на седьмом этаже и пассажиры, выйдя на площадку, увидят лежащего на полу старика, Осадчий скажет, что с пожилым человеком случился сердечный приступ, уже вызвали «скорую», которая подъедет с минуты на минуту. И побежит вниз, якобы встречать машину. Улизнуть, несомненно, удастся, но он останется с пустыми карманами. Лифт поднялся на последний девятый этаж. Осадчий выждал минуту, открыл второй замок, вернувшись к старику, ухватил его за щиколотки ног, волоком втащил в квартиру и закрыл дверь изнутри. Главное сделано. Но нельзя терять ни минуты, неизвестно, кто еще живет в квартире. Старик лежал на спине поперек тесной квадратной прихожей и едва дышал, нижняя челюсть отвалилась, из полуоткрытого рта сбегал на подбородок пенистый ручеек слюны.

Присев на корточки, Осадчий методично обыскал хозяина, прощупал каждую складку одежды. Ничего интересного: квитанция из химчистки, паспорт на имя Нифонтова Дмитрия Гавриловича, зажигалка «Ронсон», пачка американских сигарет. Перевернув раненого на бок, Осадчий вырвал вместе с куском ткани пуговичку, пришитую на заднем кармане брюк, вытащил кожаный бумажник с золотыми уголками. Расстегнув клапан, запустил пальцы в отделение для бумажных денег. Есть. Осадчий впервые за день испытал что-то похожее на волнение. Господи, вот это везение... Он бросил бумажник в темный угол, пересчитал сотенные долларовые купюры. Ровно тысяча баксов, плюс небольшая сумма в рублях. Он рассчитывал на две-три сотни, но не на такой богатый улов.

Сунув деньги в карман, попытался снять с пальца старика золотую печатку. Но сколько не дергал кольцо, оно не сдвинулось ни на миллиметр. Тогда Осадчий поднял руку старика, засунул средний палец себе в рот, хорошенько послунял и стал стягивать перстень, вращая его по часовой стрелке. Он опустил кольцо в карман, зашел в тесную спальню и, распахнув дверцы платяного шкафа, сбросил с полок на пол постельное белье, почему-то старики любят хранить накопления в своих тряпках. Пусто. Он заглянул под кровать, снял со стены две картины, какие-то блеклые сельский пейзажи, надеясь за рамами найти толстый конверт с деньгами. Ничего кроме пыли. Он прошел на кухню, вывалил в мойку крупу из жестяных банок, облазил полки. Потратил на поиски добрые полчаса, безрезультатно.

Осадчий нашел на антресолях две вместительные сумки, в которые погрузил серебряные рюмочки, подстаканники. Засунул женскую соболью шубку, портативный компьютер «Тошиба», совершенно новую, еще с не оторванными ярлыками, кожаную куртку. Золотую цепочку с крестом, пару колец с какими-то синими камушками спрятал в кармане кожанки. Он успокоил себя тем, что снял хороший навар, грех жаловаться, а тысяча баксов – огромные деньги. Месяц назад, когда в Измайловском парке, он наверху своим кистенем по затылку какой-то шикарно одетой бабенке, то нашел в ее сумочки жалкие рубли и полкило бросовой косметики. Только зря испачкался. Сегодня ему повезло. Но какая-то острая заноза глубоко сидела в сердце. Нутром чувствовал, что большие деньги где-то рядом, только времени на их поиск уже не осталось.

Роясь в вещах, он не заметил, как старику медленно возвращается жизнь. Осадчий появился в прихожей в тот момент, когда хозяин квартиры, отталкиваясь ладонями от пола, дополз до телефона, стоявшего на низкой галошнице, и поднял трубку. Осадчий бросил уже собранные сумки, сделал пару шагов вперед, вытащив гирю на шнурке. «Ты еще не угомонился, сволочь?» – прошептал он. Сидя на полу, старик смотрел на него снизу вверх белыми от страха глазами. Гиря описала в воздухе короткую дугу. Металл пробил височную кость. Брызги крови растеклись по овальному зеркалу. Старик вскрикнул, телефонный аппарат грохнулся на пол. Осадчий занес руку для нового удара, но остановился. Человека дважды не убивают. Подхватив сумки, переступил через тело, запер за собой дверь, лифтом спустился вниз. И столкнулся с молодой парочкой, заходившей в подъезд.

* * *

Он вернулся в старухин клоповник и, закрывшись в своей комнате, долго сортировал вещи. Ясно, в Москве придется задержаться еще на два-три дня, чтобы сбыть добычу. Когда стемнело, вошел в комнату старухи, бросил на ее кровать шубку. «На, продай, будут деньги», – сказал он. Старуха отступила в глубину комнаты, к подоконнику. «Господи, – прошептала она и перекрестилась. – Господи, спаси». Осадчий плюнул на пол и ушел на свою половину, зашивать доллары в матрас.

На следующий день он избавился от компьютера, толкнув на радио рынке его за полторы сотни зеленых какому-то лоточнику. Золотой перстень с рельефной печаткой, он оставил бы себе, но кольцо не лезло даже на мизинец. О том, чтобы сдать золото, колечки с камушками, серебряные рюмки и подстаканники в ломбард или скупку можно не мечтать, там требуют документы. Значит, остается взять все это хозяйство с собой на Украину или толкнуть за треть цены в Москве. После долгих раздумий Осадчий остановился на последнем варианте. Под вечер он отправился к азербайджанцам, с которыми крепко поругался, когда ишачил на продовольственном рынке. В свое время он был свидетелем того, как торгаши скупали ворованное золото у местных ханыг. Чем он хуже?

Молодой человек по имени Рафик, занимавший должность то ли завхоза, то ли сборщика податей с мелких торговцев, не сразу узнал бывшего работника. А, узнав, внимательно выслушал Осадчего и улыбнулся, давая понять, что все прежние обиды забыты. Рафик провел гостя с какой-то закуток без окон, именуемый кабинетом, усадил на стул и велел ждать. «Есть один человек, который интересуется такими вещами, – сказал завхоз. – Сейчас я его приведу. Он посмотрит, и сам скажет цену». Закрыв за собой дверь, Рафик исчез, но уже через пять минут вернулся с нарядом милиции. Прямо в кабинете Осадчего заковали в наручники и присутствии понятых, то есть Рафика и какого-то усатого черта в огромной клетчатой кепке, составили протокол и опись изъятых предметов.

«Ну, что, понравилось у нас в гостях? – спросил Рафик, когда Осадчего через служебный вход выводили к машине. – Заходи снова. Когда освободишься». Завхоз засмеялся, Осадчий сжал кулаки, браслеты глубоко врезались в запястья. «Еще встретимся, гнида», – прошипел он. Сержант, идущий сзади, навернул задержанному кулаком по шее. Ночь Осадчий провел в КПЗ, под утро два выпивших мента, страдавших от безделья, ввалились в камеру и жестоко избили его ногами и дубинами, так, для профилактики. Осадчий решил не называть адрес старухи Грибковой даже под самыми жестокими побоями. Но милицейский следователь, который удосужился начать допрос только вечером второго дня, как ни странно, знал, где проживает Осадчий. Видно, азербайджанцы шепнули.

А дальше закрутилась страшная карусель. Выезд на квартиру Грибковой, обыск съемной комнаты. «Я через щелочку видела, как он в матрас что-то зашивает», – сказала милиционерам вдруг осмелевшая старуха. Сдернув простыню, кривым пальцем указала на изголовье полосатого матраса, куда квартирант зашил тысячу долларов. «В нашем районе за последнюю неделю произошло только одно убийство с целью грабежа, – сказал следователь на втором допросе. – Ты можешь уйти в несознанку. Но этим только осложнишь свое положение». «Я никого не убивал», – упрямо повторил Осадчий. «Так и запишем», – согласился покладистый следак. На следующий день Осадчего опознали молодые люди, с которыми он, грузеный сумками, столкнулся на выходе из дома убитого старика. Дальше отпираться не имело смысла.

Осадчий написал чистосердечное признание и приготовился к переезду из изолятора временного содержания в тюрьму. Но переезд отложили на неделю. Но его дело неожиданно передали куда-то наверх, в межрайонную прокуратуру.

* * *

Закончив рассказ, который следователь прерывал уточняющими вопросами, Осадчий попросил сигарету. Удивляло, что Липатова мало интересовали подробности расправы над стариком. Он заиклился на вещах посторонних, на ничего не значащих деталях. Кому и при каких обстоятельствах обвиняемый сбыл ноутбук «Тошиба»? Как выглядел мужчина, с которым старик за несколько минут до своей гибели беседовал на скамейке возле обменного пункта? Жадно затянувшись, Осадчий выпустил облачко дыма и даже зажмурил глаза от удовольствия. Какая к черту разница, как выглядел тот хмырь? И кто купил компьютер? Неужели прокуратуре больше нечем заняться, только искать жалкого барыгу, чью вину в скупке краденого трудно будет доказать?

– Тебе как, в одиночке не скучно? – спросил Липатов. – Может, не хватает общества?

– Все нормально, гражданин начальник, – встрепенулся Осадчий, смекнув, что в общей камере, под завязку забитой подследственными, где спят и едят посменно, просто нечем дышать, в такую жару можно запросто копыта откинуть. – Допросы у нас каждый день, скучать некогда.

– Допросы скоро кончатся. И все-таки из одиночки придется тебя перевести в общую камеру. Это инициатива не моя, тюремного начальства. Одиночных камер не хватает.

Осадчий не смог подавить вздох разочарования: вот и помогай после этого следствию. Липатов поставил на колени портфель, вытащил толстый альбом и конверт, склеенный из серой бумаги.

– Сейчас будем смотреть фотографии, – сказал он. – Эти ты еще не видел. Возможно, узнаешь человека, который присел на скамейку рядом со стариком Нифонтовым.

Осадчий кивнул. Два дня подряд следователь привозит сюда, в следственный изолятор, альбомы, в которые вклеены фотографии валютных аферистов, ломщиков, работающих возле скупок и обменных пунктов, лиц, задержанных при попытке сбыта фальшивых векселей, долговых обязательств, золота или валюты. Думает, что среди этих рож, Осадчий узнает человека, с которым старик базарил на лавочке. Взяв из рук следователя альбом, положил его на колени, стал медленно переворачивать страницы.

Липатов следил за выражением лица подследственного. Дело об убийстве пенсионера Нифонтова, дело уже раскрытое, ему передали неделю назад, когда открылись новые обстоятельства. Молодой следователь, занимавшийся этой рутинной, оказался дотошным человеком. В НИИ МВД он назначил экспертизу долларовых банкнот, что при обыске комнаты Осадчего вытащили из матраса. Выводы экспертов оказались сюрпризом для прокуратуры: сотенные, на первый взгляд не внушавшие сомнений в своем происхождении, оказались подделкой высокого класса. Доллары напечатаны типографским способом, металлическая полоска нанесена на бумагу методом шелкографии, водяные знаки и иные степени защиты присутствуют на банкнотах в полном объеме. В заключение экспертов сказано, что детекторы валют, установленные в большинстве московских обменников, ниже были перечислены их модели и страны производители, не способны отличить представленные на экспертизу образцы от подлинных банкнот.

«Убитый старик не так-то прост, – сказал Липатову начальник следственного управления прокуратуры Суровцев. – Много лет работал на Гознаке. Это так, информация к размышлению. Приемщица фотоателье показывают, что Нифонтов пробыл в помещении не более двух минут. К окошечку, за которым сидит кассирша обменника, не подходил. Посмотрел рамки для фотографий, выставленные в витрине, купил пленку „Агфа“ и вышел на воздух. Фотопленка найдена на квартире при обыске. Показания приемщицы фотоателье и Осадчего подтверждаются. Одно из двух: тысячу фальшивых баксов Нифонтов принес из дома. Или получил от того мужика, с которым разговаривал, сидя на скамейке. Первый вариант я отмечаю с ходу. В нем

нет ни логики, ни смысла. Значит, деньги передал мужчина. Твоя первая задача – найти его. Похоже, этот Нифонтов... Впрочем, с выводами спешить не будем. Вопросов много, но ответов нет. У тебя опыт в подобных делах, поэтому дело передали именно тебе. Жду результата».

Осадчий перевернул страницы альбома, на минуту задумался и отрицательно помотал головой.

Глава вторая

На предыдущих допросах Осадчий, обладавший цепкой зрительной памятью, подробно описал, где, кому, при каких обстоятельствах загнал портативный компьютер. Молодого человека, купившего «Тошибу», продавца одного из торговых павильонов Митинского рынка по имени Саша Фролов, оперативно нашли и допросили. Но толку чуть. Как и всякий скупщик краденого, Фролов божился, что не подозревал о сомнительном происхождении компьютера. Человек, предложивший купить «Тошибу», внушал доверие, сказал, что срочно понадобились полторы сотни зелени, потому что больна жена и нужны гроши на лекарства. Все барыги, живущие перепродажей краденого, поют одну и ту же песню, врут одинаково. Расплатившись, Фролов первым делом стер с жесткого диска всю информацию, установил новые программы и выставил компьютер в витрине своего павильона. Покупатель, заплативший за «Тошибу» четыре с половиной сотни, нашелся быстро.

Данные, содержащиеся в ноутбуке, могли помочь следствию, но они были уничтожены. На квартире Фролова и его торговом павильоне провели обыск – безрезультатно. Видимо, он не врал, когда говорил, что продал компьютер, а не оставил его себе. Приметы покупателя Фролов описал подробно. Но людей с подобной внешностью, среднего роста, средних лет, в Москве миллион с хвостиком. Парня сутки продержали в кандее и вчера отпустили, не предъявив обвинения. Эта ниточка оборвалась. Но Липатов не обольщался надеждами на скорый успех, следствие только начиналось.

Повторный обыск на квартире пострадавшего Нифонтова тоже ничего не дал. Правда, оперативники нашли тайник, оборудованный в стене, за резным старинной работы комодом. Это был замурованный в стену узкий железный ящик, опера открыли замок методом подбора ключей, вытащили три десятка царских золотых червонцев.

О покойном навели справки. Вдовец, жену похоронил пять лет назад. Взрослая дочь замужем за бизнесменом, совладельцем фирмы по продаже шмоток, подрастают два внука. Старик не судим, приводов не имел. Последние восемнадцать лет перед выходом на пенсию работал печатником в типографии Гознака. Напрямую с выпуском денежных знаков связан не был, трудился в цехе, где шлепают цветные календари и ежедневники. По службе характеризуется, как хороший работник, но человек замкнутый, немногословный, не пьющий. С дочерью и внуками виделся не часто, три-четыре раза в год. С соседями по дому дружбы не водил, гостей к себе не приглашал. По утверждению дочери покойного, пенсии отцу хватало только на то, чтобы заплатить за квартиру и пару раз в месяц сходить в аптеку. Поэтому он подрабатывал ночным сторожем в средней школе. Тридцать золотых червонцев... Неплохие накопления для ночного сторожа.

Осадчих захлопнул альбом, положил его на стол.

– Нет, этих никогда в жизни не видел.

Липатов раскрыл конверт, извлек из него полтора десятка цветных фотографий, в три ряда разложил их столе. На снимках люди, которые за последний год проходили по соответствующей статье, но доказательства, собранные следствием, оказались зыбкими, косвенными. Дела закрывали за недосказанностью или отсутствием состава преступлений.

– Смотри внимательно.

– Вот этот, – без раздумий Осадчий показал пальцем на крайнюю левую фотку в нижнем ряду.

Липатов поднялся со стула, взяв фотографию, перевернул ее, прочитав надпись, сделанную карандашом на обратной стороне: «Жбанов Максим Станиславович, кличка Жбан». Семь лет назад привлекался к суду за вымогательство. Последний раз его задержали для паспортной проверки, когда в аэропорту Шереметьево он встречал какого-то знакомого. На кармане у

Жбана нашли триста фальшивых долларов. Но доказать причастность Жбанова к сбыту фальшивой валюты не удалось. По оперативным данным, он связан с одной из московских преступных группировок. Тридцати восьми лет, не женат. Далее следовал номер закрытого и списанного в архив дела.

– Ты не ошибаешься? – переспросил Липатов.

– Я в таких делах нет, не ошибаюсь.

Липатов вытащил из кармана и пяток сигарет без фильтра, протянул курево Осадчему и вызвал конвой.

* * *

Хозяин салона современной живописи «Камея» Игорь Архипов с самого утра пребывал в нервном взвинченном настроении. Так бывало всегда, когда впереди маячил долгий и трудный день. Не успел он занять место в своем кабинете за рабочим столом и развернуть газету, как в дверь постучали. Порог переступила секретарь Марина, одетая в легкомысленное приталенное платье из синтетического шелка на бретельках, белое красными цветами. Наряд едва прикрывал симпатичную попку, а вырез оголял половину груди. Собственно, ради этого глубокого выреза платье и было сшито. Секретарь работала в картинной галерее около двух месяцев и мысленно еще не простила с безнадежной затеей подцепить на крючок своего босса. Рыбка почему-то не брала приманку.

Марина, ставя ступни на одну линию, прошла по кабинету, как манекенщица по подиуму и, остановившись, перед столом Архипова, прочитала по бумажке, кто звонил вчерашним вечером и сегодняшним утром. Секретарь отфильтровывала, по ее мнению, все мелкое, незначительное, сообщая хозяину о самых важных новостях. На этот раз таких сообщений было два: из Дома художника прислали приглашение на грандиозную французскую выставку живописи, которую мечтает посмотреть пол-Москвы. Ожидается большой фуршет и наплыв важных персон. Еще чиновник Министерства культуры, собутыльник Архипова, любитель дармовой выпивки, просил перезвонить, якобы есть срочное дело.

– Знаю я его дела, – проворчал Архипов. – Для этого министерского обормота меня нет. А приглашение выкини в корзину.

– Но, может быть...

На эту французскую выставку у Марины имелись свои виды. В обществе, где принято появляться в сопровождении эффектной дамы, она не будет лишней.

– Я же сказал: выкини в корзину. Что еще?

– Даже не знаю, – Марина задумалась, решая, стоит ли сообщать боссу, тем более, когда он не в лучшем расположении духа, о такой мелочи. – Несколько раз звонил этот художник, как его... Бирюков. Такой надоедливый. У нас в галерее два месяца назад выставили его картину, но она не продалась. Он бы хотел забрать ее. Он живет где-то рядом.

– Что за картина?

Марина раскрыла блокнотик.

– Городской пейзаж, «Москва дождливым утром», размер пятьдесят на семьдесят. Масло. Наш оценщик поставил ее за двести пятьдесят долларов. Неделю назад цену снизили на полсотни.

Архипов не дослушал, раздраженно махнул рукой.

– Господи... Ему бесплатную рекламу делают, а он... Пусть берет свою мазню, этот чертов пейзаж, и катится к такой-то матери. Так ему и передай, слово в слово. Пусть катится к такой матери, придинок гребаный. Поняла?

– Да, совсем забыла. Буквально десять минут назад звонил какой-то Жбанов. Сказал, что не может дозвониться, ваш мобильный не отвечает.

– Черт, с этого и надо было начинать. А ты морочишь мне голову всякими приглашениями.

– Это важно? Я никогда не слышала этой фамилии.

– Это важно, – вздохнул Архипов. – А мобильник я вчера оставил в такси. Можешь идти. Марина повернулась и пошла к выходу. Архипов пристально посмотрел на оголенную спину секретаря, его глаза сузились в злом прищуре.

– Подожди секунду, – скомандовал он. – А это в честь чего?

– Не поняла, – Марина остановилась у двери, повернулась в пол-оборота. Так начальнику лучше видны соблазнительные изгибы фигуры. Вскинула длинные ресницы и, округлив глаза, растеряно осмотрелась вокруг. – Что в честь чего?

– Ну, вот эта порнография? Я имею купальник, который ты на себя натянула. Или это платье?

– Но ведь жара такая, Игорь Владимирович.

– Мне тоже не холодно. Но ты ведь не видела меня на рабочем месте в плавках?

Секретарь ушла, прикрыв дверь. Кажется, она расстроилась до слез. Архипов принялся дочитывать газетную заметку, но понял, что не может сосредоточиться на этом занятии. Строчки разбегались, мысли были где-то далеко. Свернув газету в трубочку, опустил ее в корзину для бумаг. Встал с кресла, прошелся по кабинету. Сегодня важный день, а окружающие, словно сговорившись между собой, решили окончательно испортить настроение. Утром домашний телефон оборвал один грузинский художник, умолявший придти сегодня вечером в «Прагу» на его юбилей. Отнял уйму драгоценного времени. Архипов отнекивался, сколько мог, но наконец сдался, зная наперед, что ни в какой кабак сегодня пойти не сможет. И вот он появляется на работе, ждет важного звонка, он настроен на деловой лад, но видит перед собой полуголую секретаршу, которая строит ему глазки и забывает сказать о самом главном. Марина лишена чувства вкуса. И стиля. Эти болезни не лечатся, даже если запомнить наизусть все журналы мод.

Телефон зазвонил, Архипов упал кресло, сорвал трубку. Взволнованный голос Жбанова доносился издалека, словно тот звонил с другого конца земли.

– Я должен был ехать на вокзал, – сказал Жбан. – Встречать нашего дипломата и посылку.

– Можешь не напоминать, я не страдаю провалами памяти, – Архипов едва не сорвался на крик. – Что дальше?

Долгая пауза. Архипов глянул на часы. Поезд из Варшавы прибывал на Белорусский вокзал в начале первого, то есть через полтора часа с минутами. Жбанов, как было обговорено заранее, должен выполнить простое поручение: встретить дипломата, забрать у него кейс, отвезти чемоданчик в надежное место. И всех дел.

– У меня такое впечатление, что в моей квартире кто-то побывал, – сказал Жбанов. – Вчера весь день меня не было дома. Вернулся ближе к ночи. И обратил внимание, что пара стаканов и бутылка стоят не на своих местах.

– Стаканы и бутылки? – усмехнулся Архипов. – Это на тебя похоже. Дома что-нибудь было? Ну, что-то важное?

– Ты ведь знаешь, я ничего не держу на квартире. Я чистый.

– Слава богу.

– Не стал тебе звонить из дома. Утром вышел пораньше, ну, чтобы перестраховаться, проверить свои подозрения. Показалось, что меня пасут. Я не уверен, но...

– Вчера ты успел все сделать?

– Конечно. Машина в гараже. Ключи от тачки и от бабкиной квартиры в спортивной сумке. Я оставил сумку в камере хранения. Приедешь на место и просто назовешь номер: пять-сот двадцать один.

– Ты откуда звонишь?

– Из телефона-автомата. Я в подземном переходе на Волгоградском проспекте. Вокруг никого, кажется, мне удалось оторваться. Что делать? Ехать на вокзал, встречать этого хрена?

– Вокзал отменяется. Отправляйся к своей девчонке. И сиди тихо. Постараюсь с тобой связаться.

Архипов бросил трубку. Если бы не последние события, он мог решить, что Жбан наконец допился до зеленых чертиков или просто шизанулся без всякой причины. Но после того как старик Нифонтов, имевший на кармане тысячу левых баксов, стал жертвой какого-то уличного громилы, обвинять Жбанова в алкоголизме или сумасшествии нет повода.

По сведениям из надежных источников, расследованием вплотную занялась прокуратура. Создана следственная бригада, дело на контроле где-то на самом верху. Последний, с кем разговаривал старик, – Жбан. Значит, опера запросто могли в отсутствие хозяина провести в его квартире негласный обыск, поставить телефоны на прослушку и пустить за ним «опекунов», чтобы прощупать все контакты. Черт, как все это не вовремя. Архипов посмотрел на часы. До прибытия поезда остается час с хвостиком. Кто поедет встречать дипломата? Послать на встречу секретаря Марину или кого-то из сотрудников галереи – это даже опаснее, чем ехать самому. Тут нужен человек далекий от Архипова, посторонний. Он сорвался с места, пробежав кабинет, распахнул дверь в приемную. Марина, набросив на голые плечи шелковый платок, листала журнал с картинками.

– Этот художник, ну, Бирюков еще не приходил?

– Звонил недавно. Подойдет с минуты на минуту.

– Ты не передала ему слова, которые я просил передать? Ну, пусть катится со своей мазней и так далее.

– Не успела. Он спешил. Но обязательно передам, когда он появится здесь.

– Слушай меня. Немедленно иди в галерею, скажи зрителю, что я приказал снять картину «Москва дождливым днем».

– Ее уже сняли. И упаковали в бумагу.

– Тем лучше. Пусть картину отправят в хранилище. С Бирюковым ни о чем не разговаривай. Сразу пусти ко мне. Когда он будет уходить, выдай ему из кассы рублями по курсу двести пятьдесят долларов. Если о чем-то спросит, ответь, что в компьютере произошел сбой. На самом деле его картина уже неделю как продана. Ясно?

Марина смотрела на босса и часто смаргивала.

– Но ведь недавно вы...

– Ты чего-то не поняла? Я плохо объясняю?

– Нет, все понятно.

– Извинись перед художником за путаницу. И можешь еще сказать, что мы с удовольствием выставим в галерее другие его работы. Фотографии картины у нас есть? Хочу взглянуть, что она собой представляет.

Марина проворно поднялась, сняла с полки скоросшиватель, перевернула несколько страниц и показала фотографию хозяину. Архипов осуждающе покачал головой, вздохнул и удалился.

* * *

В дверь кабинета постучали минут через десять. Бирюков оказался человеком пунктуальным. Поднявшись, Архипов вышел из-за стола, чтобы встретить гостя. Подобными знаками внимания он не удостаивал даже знаменитых живописцев. Крепко тряхнув руку гостя, показал на кресло у столика для гостей, попросил художника присесть и устраиваться поудобнее. Бирюкова он видел всего пару раз, когда тот приходил в галерею по каким-то своим мелким делам. И даже не ответил на его приветствие, даже головой не кивнул в ответ. Жать руку, раз-

говаривать с каждым, кто пачкает холст масляными красками и называет себя художником, язык отнимется. Да и ладонь отсохнет.

На вид Бирюкову, высокому, крепкого сложения мужчине, лет сорок или около того. Голубая с абстрактным рисунком сорочка, летние кремовые брюки. Он не похож на неопрятного опустившегося живописца с засаленными патлами, который, получив деньги на руки, помчится пьянствовать или покупать недорогую женщину.

– Рад, что вы заглянули, – сказал Архипов. – Слушай, давай лучше на «ты». А то я чувствую себе не в своей тарелке, когда «выкаю». Ладно?

– Без проблем.

– Я хотел бы попросить извинения за то, что произошла эта дурацкая техническая накладка, – вздохнул Архипов. – Картина продана пару недель назад. А моя дура, я имею в виду секретаря, морочит тебе голову. Какой уважающий себя живописец захочет после всего этого иметь дело с моей галереей? Не обижайся. Мне самому тяжело работать с идиотами... Секретарь не получит премиальных по итогам месяца.

– Ничего страшного не произошло. И я не хотел, чтобы из-за меня пострадала ваша Марина.

Архипов замахал руками и выдал из себя несколько убогих комплиментов. Сказал, что у Бирюкова есть своя сугубо авторская, индивидуальная манера письма, что-то вроде русского импрессионизма. Лично ему, Архипову, полотно «Москва дождливым утром» очень понравилась и, если бы, картину не приобрел кто-то из посетителей галереи, то он сам с удовольствием купил бы эту вещь для своей коллекции. Закончив это словоблудие, перешел к делу.

– Слушай, сегодня я совершенно зашиваюсь, – Архипов с трудом вспомнил фамилию грузинского живописца, с которым разговаривал утром по телефону. – Так вот, у этого великого человека сегодня юбилей. Не мог ему отказать, согласился пойти в ресторан. А подарка нет. Придется сейчас все бросить и проехать по магазинам. Поищу какую-нибудь саблю или кинжал. Грузины любят всякую такую дребедень. Все мои толковые служащие в отпусках. Здесь остались отборные тупицы вроде Марины. Боюсь, что они опять все перепутают. Поэтому хотел бы попросить тебя об одной услуге. Есть час свободного времени?

Бирюков кивнул.

– Съезди на Белорусский вокзал, через сорок минут прибывает поезд из Варшавы. Один знакомый дипломат привозит мне, ну, как бы это сказать... Ну, посылку что ли. Надо эту посылку встретить. Международное купе, одноместное, номер... Впрочем, я все запишу. Подержишь посылку у себя один-два дня, а там я пришлю человечка, который ее заберет. Твой адрес и телефон у меня записаны. Добро?

Архипов не стал уточнять, что за «человечек» приедет за посылкой и когда приедет. Он сам еще не знал ответа на эти вопросы. Бирюков поднялся с кресла.

– Ты мне тут много хороших слов наговорил, – сказал он. – Спасибо. Но я насчет своих способностей я не обольщаюсь. Про меня никогда не напишут в газетах: «В картинной галерее „Камея“ открылась персональная выставка известного художника Лени Бирюкова». Дипломата я встречу, будь спокоен.

– Вот и хорошо. Я твой должник. А насчет выставки... Как знать.

– В посылке что-то ценное?

– Ничего особенного, – покачал головой Архипов. – Пара выставочных каталогов, которые невозможно достать в Москве. Они представляют некоторую ценность только для специалистов. Я с трудом достал эти каталоги, и не хочу чтобы они случайно потерялись. Пусть они всегда будут при тебе. Ладно?

Склонившись над столом, Архипов записал на отрывном листке номер поезда, вагона и купе, в котором приезжает дипломат, и его фамилию. На другом листке начертил записку:

«Уважаемый Илья Борисович, посылку заберет мой добрый знакомый Леонид Бирюков. Свяжусь с вами сам. С уважением, А.И.».

– У тебя паспорт с собой?

– Только членский билет Московского союза художников.

– Годится. Передай Сахно привет и на всякий случай покажи свою книжечку. Он человек старой закалки, всю жизнь пашет в МИДе. А это такая хреновая контора... Там верят не людям, а документам. Чего доброго, он не отдаст посылку, даже когда прочитает записку. Кстати, не забудь получить деньги за картину у моего секретаря. Двести пятьдесят баксов как-никак.

– Да, эти деньги не будут лишними.

Архипов поднялся, вложил листки в ладонь Бирюкова.

* * *

Поезд из Варшавы пришел без опозданий. Бирюков, дождавшись, когда самые нетерпеливые пассажиры вылезут из вагона, поднялся в тамбур, по узкому проходу дошагал до седьмого купе. Дверь была приоткрыта, мужчина лет пятидесяти, сухой, невысокого роста, одетый в серый хорошо сшитый костюм, засовывал в дорожную сумку, стоявшую на столике, прозрачный пакет с зубной щеткой и мылом. Мужчина мог показаться совершенно лысым, если бы не седой пушок, который разросся по вискам и затылку. Дипломат повернул голову на стук, встретившись взглядом с гостем, нахмурился.

Бирюков полез в брючный карман, вытащил красную книжечку члена Союза художников и вчетверо сложенную записку. Лишь на мгновение, одно короткое мгновение, он увидел в глазах дипломата то ли неосознанный страх, совершенно дикий, животный страх, то ли безграничное удивление. Сахно, уставившись на красную книжечку, застыл на месте, словно услышал слово «замри». Его спина оставалась полусогнутой, а руки повисли, как плети.

– Простите, бога ради, – Бирюков шагнул вперед, протянул записку дипломату. – И здравствуйте. Это от Архипова. Он попросил меня съездить на вокзал к поезду из Варшавы. Встретить вас и забрать посылку. Ваша фамилия Сахно?

Дипломат распрямил спину, взял бумажку и, развернув ее, пробежал взглядом рукописные строчки.

– Фу, фу, – сказал он вместо ответного приветствия. – Ну и ну.

– Вот мое удостоверение члена Союза художников. Чтобы отпали последние сомнения, что я это я.

Бирюков раскрыл красную книжечку.

– Можете не показывать. Даже смотреть не стану. Потому что всегда верю приличным людям, на слово верю. А вы, сразу видно, человек приличный, – сказал Сахно и, сунув нос в документ, долго и внимательно изучал его. Изучив, перевел дух и сел на нижнюю полку. – Вообще-то я ждал другого человека. Вы появились немного того... Как бы неожиданно.

– Простите.

– Не за что извиняться. Это дальняя дорога меня окончательно доконала. Какая адская жара. А кондиционер, разумеется, не работает. В этом поезде я чувствую себя куском пережаренного шашлыка. В следующий раз я привезу из Варшавы не посылку и обширный инфаркт. Вернусь только для того, чтобы меня заколотили в деревянный ящик и закопали.

– Летайте самолетом.

– В следующий раз я обязательно последую вашему совету, – повеселел Сахно.

Он поднялся, застегнул молнию дорожной сумки и, согнувшись, вытащил из-под столика темно-коричневый дипломат с наборным замком.

– Это и есть ваша посылка, – Сахно протянул чемоданчик Бирюкову. – Архипов ничего не просил передать на словах?

– Только большой привет.

– И прекрасно, я другого не ожидал. И ему кланяйтесь.

– Вам помочь с багажом?

– Если решите всем помогать, носильщики останутся без куска хлеба, – прищурился

Сахно. – А ведь этого нельзя допустить. Как вы думаете? Мой багаж – вот эта сумка. Я ведь шмотками не интересуюсь, а Москве в короткосрочной командировке. Жизнь на колесах, – это не про наркоманов. Это про меня. Послезавтра выезжаю обратно. Счастливого вам.

Дипломат протянул для пожатия узкую ладонь.

* * *

Ближе к вечеру волнение улеглось, и Архипов приступил к делам, которыми обычно занимался его помощник Жбан. Пообедав в ближайшей забегаловке и купив новый мобильный телефон, вернулся в кабинет, проходя через приемную, велел Марине не пускать посетителей и всем без разбора, кто бы ни звонил, отвечать, что босс уехал по делам и не известно, вернется ли обратно. Галерея открывалась для посещений в пять часов вечера. До этого времени он успеет благополучно смыться.

Он бросил пиджак на диван, устроившись в кресле, он забросил на стол ноги. Заложив ладони за голову и сцепив пальцы, некоторое время размышлял о своих проблемах. Около месяца назад Архипову позвонил давний знакомый некто Коля Сульдин, сказал, что дело срочное и назначил встречу в ресторанчике «Вереск». Там есть отдельные кабинеты, где можно спокойно поговорить. Когда накатили по третьей рюмке, Сульдин рассказал, что есть люди, которые интересуются поддельными баксами. Они согласны взять триста тысяч банкнотами по пятьдесят долларов, если качество фальшивки будет высокое, а цена приемлемая.

Сульдин просил за посреднические услуги два процента от выручки. «Сколько ты хочешь получить за доллар?» – спросил он. «Вообще-то цену назначаю не я, – ответил Архипов. – Семьдесят пять центов они потянут?» «Семьдесят пять? – переспросил Сульдин. – Еще год назад было пятьдесят. Семьдесят пять... Ты загнул, просто озверел. На такое они не подпишутся». «Год назад было совсем другое качество, – усмехнулся Архипов. – Теперь мои доллары от настоящих могут отличить разве что в Госбанке или в Министерстве финансов США. Их печатают, как ты догадываешься не на принтере. Сохранены все степени защиты и прочая белиберда». «Все-таки семьдесят пять – это перебор, – помотал головой Сульдин. – Не забывай, что твои баксы – это всего-навсего резаная бумага. Макулатура высокого качества».

«Я не настаиваю, – Архипов сделал вид, что судьба сделки его мало интересует. – Есть много желающих взять баксы и по этой цене. Могу сбросить пять центов. Это в моей власти. А ты получишь не два, а три процента комиссионных». Сульдин задумался на минуту и сказал: «Хорошо, я попробую предложить, но не знаю, что из этого выйдет. У тебя есть с собой образец? Хотя бы одна купюра?» «Образец ты получишь, – кивнул Архипов. – Ну, кто хочет купить мои фантики? Кто эти люди?» «О, это надежные парни, – Сульдин разлил водку по рюмкам. – Друзья моих друзей. Вообще-то они кавказцы, должен сразу предупредить. Но никакого кидалова. И вообще, какая хрен разница, кому продавать товар, кавказцам или славянам?» «Никакой. Если ты даешь гарантию, что все осечки не будет, значит, все в порядке», – ответил Архипов, внимательно разглядывая собеседника. Сульдин завертелся на стуле, как на раскаленной сковородке. Гарантий ему давать не хотелось, он просто не мог дать гарантий. Он думал только о трех процентах с выручки, которые могут обломиться в случае удачи.

Когда, засидевшись в «Вереске», уже ночью вышли на улицу, Архипов передал посреднику две купюры, по пятьдесят баксов. «Если они согласятся, как скоро ты выполнишь заказ?» – Сульдин не стал доставать портмоне, сунул бумажки во внутренний карман пиджака. «В течение недели, максимум десяти дней». «Хорошо, через пять дней я с тобой свяжусь».

Возможно, если все пройдет гладко, эти люди возьмут два, даже три миллиона. Уже сотенными». «Если заказ будет крупным, а купюры сотнями, скину еще пять процентов», – пообещал Архипов. Сульдин промычал что-то нечленораздельное, поймал такси и укатил в ночь. Архипов ждал ответа покупателей две недели, уже перестал надеяться. Но тут объявился Сульдин: заказчиков устраивает качество, они соглашаются на семьдесят центов, но все-таки очень хотят поторгаться, снизить до шестидесяти.

Три клиента с Кавказа прибыли пять дней назад рейсом «Аэрофлота» «Баку – Москва». Бригада оказалась интернациональной: армянина, чечен и русский. Встречу Архипова с одним из покупателей устроили в том же «Вереске», этим заштатным второразрядным кабаком на городской окраине не интересовались ни бандиты, ни милиция. И прослушки можно было не опасаться. Клиента звали Ашот Карапетян, здоровый малый лет тридцати в фирменном костюмчике, золотые часы «Картье», густая грива каштановых волос, напомаженных какой-то дрянью. Пахло от армянина, как от дорогой парфюмерной лавки.

Сульдин разволновался так, что, наполняя рюмки, пролил водку на скатерть. Архипов не уступил в цене, настояв на своих семидесяти центах. «Если заказ больше миллиона, я сбавляю пять центов с доллара, – веско заявил он, в душе готовый к долгому и трудному торгу, который, возможно будет продолжаться до глубокой ночи. И еще не известно, чья возьмет. – Вы, вопреки правилам, уже получили скидку. Дальше уступать я не имею права. Поймите, я не хозяин, а посредник». Карапетян выдержал паузу. «Хорошо, пусть будет семьдесят, – неожиданно согласился он. – Остается один вопрос: когда?» Эта неожиданная сговорчивость, покладистость клиента насторожила Архипова. Он поднял рюмку, двинул дежурный тост за дружбу и ответил: «Вам придется подождать неделю. Всего одну неделю. Дело того стоит». «Пожалуй», – снова согласился Карапетян.

Триста тысяч поддельных долларов сегодня прибыли в Москву в багаже дипломата Сахно. Но недельная отсрочка нужна для того, чтобы прощупать покупателей. Играть в темную не в правилах Архипова. Что за люди прилетели в Москву? Откуда они? Каковы их подлинные имена? Есть ли у них оружие? Если есть, то какое? Зачем нужны фальшивые доллары высокого качества? Возможно, этих людей менты используют как приманку, заманивая Архипова в ловушку? Если удастся найти ответы хоть на половину, хоть на треть этих вопросов, – уже хорошо.

Жбан следил за Карапетяном трое суток. Удалось выяснить, что клиенты остановились на съемной квартире в Сокольниках, договор найма оформлен около года назад через риэлтерскую фирму «Орбита – Плюс» на имя некоего Сидорчука. Вероятно, сделку проводили по подложному паспорту, официальный арендатор – какой-нибудь алкаш, пропивший или потерявший паспорт. Он представления не имеет, что на его имя и по его документам снята двухкомнатная квартира в Сокольниках. По указанному адресу постоянно никто не проживал, лишь изредка наезжали какие-то мужчины, гостили в Москве неделю-другую и испарялись. Владелец квартиры некто Кротов, безработный инвалид второй группы, проживает у своего младшего брата в Северном Бутово.

Троица с Кавказа безвылазно сидит в квартире, за едой и пивом в ближайший магазин гоняют русского Бориса Панова, судя по виду, это урка мелкого пошиба. Никаких женщин, никаких пьянок. Все спокойно. Ложатся спать рано, встают поздно. Они просто сидят, скучают и ждут звонка. К линейному телефону, установленному в квартире, не подходят. Пользуются мобильниками, которые, вероятно, куплены по чужим документам или украдены. Это обстоятельство осложнило задачу Жбана. Прослушать мобильные телефоны можно, на это уйдет еще как минимум три-четыре дня. Слишком долго. Установить в квартире закладку, стандартное прослушивающее устройство с радиусом действия метров двести, невозможно. Что же оставалось? Действовать через соседей – единственная возможность прощупать покупателей.

Жбан посетил местное РЭУ, сунув деньги паспортистке, узнал, что по соседству с тридцать второй квартирой обитают пенсионерка Платова и многодетная семья Захаровых. Последние отпадали сразу, на хате слишком много людей. А вот Платова... В ее квартире прописана дочь Катерина Яковлевна, сорока восьми лет, замужняя, воспитательница детского сада. Но дочь с мужем здесь не живут, по данным осведомленной паспортистки РЭУ, у них частный дом где-то в Малаховке. Жбан целый день дежурил в подъезде на площадке между пятым и шестым этажом, утром старуха выползла из квартиры один единственный раз, вывалила в мусоропровод ведро с отбросами. Вечером спустилась вниз к соседке и отсутствовала около четверти часа. Жбан сбежал вниз по лестничному пролету, остановился перед дверью, прислушался. Тех пятнадцать минут, что отсутствовала Платова, хватило, чтобы вытащить из герметичной обертки и согреть в ладонях пластификатор, специальную массу, напоминающую пластилин.

Два замка на старухиной квартире при желании можно было открыть гнутым гвоздем или простенькой отмычкой, но это лишняя возня, на это потребуется время, значит, лишний риск. Жбан засунул в замочные скважины свой пластилин, подождал пять минут, пока мягкая масса затвердеет. Через полтора часа на дне спортивной сумки, которую он сдавал приемщику в камеру хранения, уже звенели ключи от квартиры Платовой. Оставалась малость: найти уважительный повод, чтобы выманить старуху из квартиры.

Архипов сбросил ноги со стола. Сейчас Жбан вне игры. Видимо, он уже отсиживался у своей подружки, лакает коньяк и поплеывает в потолок, отдыхая от после трудов. Архипов снял трубку, набрал номер старухи.

Глава третья

Ответили после одиннадцатого гудка. Видимо, старуха перед тем, как ее разбудили телефонные трели, видела послеобеденный сон.

– Дарья Никитична?

– Она самая. А кто это?

– Вас беспокоит врач из малаховской поселковой больницы, – вежливо ответил Архипов, но не назвал ни фамилии, ни имени мифического врача. – Сегодня днем к нам доставили женщину. На вид около пятидесяти лет. Сейчас она в бессознательном состоянии.

Старуха на другом конце линии затаила дыхание.

– Документов в сумочке не обнаружили. Но нашли записную книжку. Там указано ваше имя и отчество, домашний телефон. И еще слово «мама».

– Господи. Это Катенька, дочка.

– Не волнуйтесь...

– Что случилось?

– Я не знаю деталей. Я всего лишь врач. Говорят, что на лестнице платформы возникла давка. Женщина упала и... На мой взгляд, жизни вашей дочери пока ничего не угрожает. Но лучше приехать немедленно.

– Что... Что с моей дочерью? Скажите...

– Мы поговорим при встрече. Меня вызывают в операционную.

– Как найти больницу? Я там никогда не была.

– Доезжайте электричкой до Малоховки. Больницу любой покажет.

Архипов опустил трубку, вытащил из корзины для бумаг недочитанную утром газету. Минут двадцать он пытался разобраться в сути большой, на полполосы, политической статьи, но так и не понял, куда гнет автор. Отправив газету обратно в корзину, снял трубку и дважды набрал телефонный номер. Бесконечные длинные гудки, значит, старуху уже сдуло ветром. Можно выезжать.

На город еще не опустились желтые августовские сумерки, когда хозяин «Камеи» покинул свой офис через служебный вход, попетляв по проходным дворам, спустился к Цветному бульвару и поймал машину. Он попросил водителя отвезти его к трем вокзалам. Прибыв на место, Архипов не отпустил машину, сказав водителю, что вернется через десять минут. Хлопнул дверцей, спустился в подземный переход, очутился на территории Ярославского вокзала и прошел в конец поезда, стоявшего на запасном пути. Здесь, в одном из вагонов, оборудовали камеру хранения.

Отстояв небольшую очередь, Архипов поманил пальцем худосочного дядьку в черном халате, надетом на голое тело. Когда тот склонился над прилавком, сунул мятую купюру в ладонь и прошептал в ухо номер: пятьсот двадцать один. Дядька таинственно подмигнул левым, а затем правым глазом, рукавом халата вытер багровый нос и скрылся в темноте вагона. Через пару минут Архипов получил спортивную сумку, из которой выглядывала ручка теннисной ракетки. Накинув ремень на плечо, отправился обратной дорогой. Со стороны он напоминал человека, спешащего после трудового дня не в ближайшую пивную, а на теннисный корт.

Упав на заднее сидение, сказал водителю:

– Езжай дальше. Мне в район Малинковской.

Через десять минут Архипов был на месте. Он прошел через арку старого дома, свернул во двор, пролез через дыру в заборе и оказался на площадке, где укрытые тенью лип и тополей, спали старые гаражи. Вытащив ключи из сумки, он открыл замок четвертого бокса, зажег свет и сел за руль светлой «пятерки» с затемненными стеклами. Поставив спортивную сумку на пассажирское сидение, вытащил из нее переносную магнитоу, вставил ее нишу под приборной

доской. Магнитола была снабжена усилителем и конвертером, и ловила хороший акустический сигнал радиомикрофона на расстоянии до трехсот метров.

В целях безопасности, чтобы сигнал не услышал через свой приемник посторонний человек, передающий «жучок» работал в диапазоне, которая находится поблизости от волны мощной радиостанции. Все чужие радиоприемники, имеющие автоматическую подстройку частоты, не брали этот слабый сигнал. К усилителю магнитолы был присоединен диктофон, вмонтированный под приборной панелью. Он начинал писать пленку, когда приемник «схватывал» человеческие голоса или иные звуки. И выключался автоматически, когда наступала тишина. Для надежной работы прослушки не нужны промежуточные ретрансляторы или иные устройства. Требовалось лишь установить и активировать микрофон с автономным питанием. Микрофон, напоминающий толстую пуговицу от пальто. Поставить машину с приемником во дворе дома и ежедневно вытаскивать из диктофона исписанную кассету.

Архипов вывел машину из гаража, вернулся, чтобы выключить свет и запереть навесной замок. Отсюда до дома, где обосновались его новые друзья с Кавказа, рукой подать. Добравшись до места, Архипов поставил машину во дворе и четверть часа наблюдал за дверью парадного. Торопиться некуда. Пока старуха Платова докатит до Малаховки, пока отыщет поселковую больницу, опоздав к приемному часу, пока узнает, что никакой женщины, получившей травмы в давке на пригородной платформе туда не поступало. Да и давки никакой не было... Вероятно, Платова, чтобы окончательно успокоить душу, заглянет в гости к своей дочери, найдет ее живой и невредимой. Засидится за чаем, пересказывая родным свои злоключения. А там, глядишь, и ночевать останется. Ведь не тащиться же в обратно на станцию в кромешной темноте.

Впрочем, на такой подарок судьбы лучше не надеяться. Судя по всему, Платова – бабка мнительная, в маразм еще не впала. Посетив больницу, она, заподозрив недоброе, может кинуться обратно к станции. Сообразит: ее выманили из квартиры жулики, чтобы забраться в старухино жилище, унести последние «гробовые» деньги и серебряные ложечки. В этом случае в запасе не так много времени. Часа полтора или около того. В квартире на пятом этаже, выходящей окнами во двор, где проживали клиенты, включили свет и задернули занавески. Архипов нашарил на дне сумки ключи, масленку и тряпочку. Смазал ключи солидолом, чтобы входили в замочные скважины как родные, вытер руки. Завернул ключи в тряпку. Посмотрел на светящийся циферблат наручных часов. Кажется, пора.

* * *

Через минуту, набрав шифр кодового замка, он вошел в подъезд, никого не встретив на пути. Не стал вызывать лифт, поднялся по лестнице на пятый этаж. На площадке так темно, что Архипов с трудом разобрал номер старухиной квартиры, что наискосок от лифта. Остановившись перед дверью, быстро справился с замками. Переступил порог и закрыл за собой дверь. Темно, пахнет как в аптеке, отваром ромашки и какими-то лекарствами.

Он вытащил фонарик, зафиксировал кнопку и на ходу осмотрел квартиру. Обычная берлога пенсионера, запущенная, давно не мытая. На кухонной плите стоит кастрюля с еще теплым варевом, то ли супом, то ли кашей. В маленькой комнате, выходящей окнами на улицу, буфет, покрытый вышитыми полотенцами, пара стульев и швейная машинка на столике у окна. В соседней комнате фанерный бельевой шкаф, крашенный темной морилкой. Деревянный ящик тумбочки заставлен склянками из-под лекарств. Железная кровать с хромированной спинкой, высокой пуховой периной, наверное, доставшейся хозяйке приданым на свадьбу. Над кроватью траченный молью шерстяной коврик с восточным рисунком. Продавленное кресло, в дальнем углу у окна допотопный телевизор на чахоточных тонких ножках. Да, если воры когда-нибудь попадут сюда, унести им будет нечего.

Архипов наклонился, направляя свет фонаря на ту стену, вдоль которой стояла кровать. Он искал электрическую розетку. Эта стена квартиры Платовой смежная со стеной квартиры, где живет Карапетян с помощниками. Дом построен лет тридцать назад, в ту пору, когда стеновые перегородки делали не слишком толстыми, а электрические розетки в соседних квартирах из соображений экономии устанавливали спаренными. Он откинул полог покрывала, заглянул под кровать, увидел слой вековой пыли и зеленый ночной горшок, видимо, в него старуха, боявшаяся темноты, ночами справляла нужду. Архипов брезгливо поморщился, протянул руку и отодвинул горшок в сторону.

Вот она, электрическая розетка. Он положил фонарь на пол так, чтобы световой круг захватывал розетку, отодвинул в сторону кровать, присел на корточки возле стены. Вытащив из сумки отвертку, выкрутил винт, снял защитную коробку. И вздрогнул от неожиданных звуков, раздавшихся где-то рядом, за спиной. Это в кухне включился и заработал агрегат холодильника.

– Блин, сука, – прошептал Архипов и облизал языком сухие губы.

Он достал микрофон и активировал его, сдвинув в сторону кнопочку. Пришлось встать коленями на пыльный паркет, чтобы просунуть и закрепить «жучок» между проводами так, чтобы его чуткая мембрана оказалась направленной в сторону соседней квартиры. Архипов перевел дыхание. Казалось, сейчас, когда коробочка розетки снята, можно без помощи техники услышать звуки, доносившиеся оттуда. Неразборчивые голоса, звуки музыки. Телек что ли работает. Архипов подумал что, миниатюрной батарейки, служившей источником автономного питания, хватит на четверо суток. Затем микрофон сдохнет, перестанет выдавать сигнал. Но за это время Архипов успеет прослушать все разговоры, которые ведут клиенты, и что-то решить для себя. Связываться с парнями или послать их подальше. Например, обратно на Кавказ.

Он закрепил на прежнем месте защитную коробку, бросил в сумку отвертку, фонарь, придвинул кровать к стене, ладонями бережно разгладил покрывало. Старуха не должна подозревать, что в ее отсутствие в квартире побывал чужак. Ступая на носки, прокрался в прихожую, остановился и прислушался. Тишина, как на кладбище. Архипов набросил на плечо ремень сумки, вышел на лестничную площадку, запер нижний замок и замер. Послышались чьи-то шаги, кажется, кто-то спускается вниз. Или померещилось? Он повернул голову на звук. Шаги замерли. Архипов оглянулся по сторонам. Темная площадка лестницы едва освещена тусклой лампочкой, свет которой доходил откуда-то снизу. Нашупав пальцами нижнюю замочную скважину, вставил ключ, попробовал его крутануть, но ключ не поворачивался. Шаги... Архипов снова повернул голову на звук, оставив ключи в замке, шагнул вперед, прислушался. Хотелось крикнуть: «Кто здесь?» Хотелось побежать вниз по ступенькам, но нельзя уходить, не закрыв квартиру. Все мысли исчезли, сердце забило часто, а воротник рубашки сделался мягким и влажным.

И тут он услышал шорох за спиной, в темном коридоре. Архипов не успел повернуть голову. Человек, прятаясь в темноте за выступом стены, бросился вперед, одним прыжком покрыл расстояние между собой и противником, влепил чем-то тяжелым по затылку Архипова. Второй удар оказался менее точным, он пришелся по плечу. В короткое мгновение Архипов успел вжать голову в плечи, устоял на ногах. Корпус мотнуло в сторону, Архипов развернулся лицом к нападавшему, выхватил из сумки ракетку, чтобы нанести короткий сверху вниз удар по голове. Но кто-то уже повис на его спине, просунув руку под подбородок, согнул ее в локте, выполнив душающий захват. Ракетка полетела на пол. Первый нападавший ударил Архипова коленом в живот. Человек, висевший на спине, продолжал сжимать шею, воздуха не хватало. Архипов попробовал отмахнуться локтем, но попал в пустоту. Он что-то промычал, и получил из темноты удар по лицу. Из носа брызнула кровь. И тут же второй мощный удар в правое ухо. Перед глазами разлетелся снап искр.

Архипов захрипел, повалился сначала на колени, потом на живот. Хотел позвать на помощь, крикнуть. Но не было воздуха, чтобы сделать вдох, не было сил сбросить с себя противника, навалившегося на спину. Через несколько секунд он уже лежал на бетонном полу, пуская слюни изо рта. И сквозь пелену слез видел мужские кожаные туфли, слышал отрывистые реплики, смысл которых не доходил до сознания. Убийцы, убийцы... Шею сжимала железная рука. Архипов задыхался, пытаясь перевернуться на бок, сбросить с себя противника. И быстро терял силы, понимая, что сделать ничего нельзя. Ему суждено умереть, он доживает последние мгновения.

* * *

Первую половину субботнего дня Леонид Бирюков просидел в квартире Алексея, младшего брата. Разговор начался на высоких тонах, и то хорошо, что брат отправил на дачу детей и жену Людмилу. Переорать эту женщину, вступи она в перепалку, не смог бы даже сводный хор московского военного гарнизона. Братья выясняли отношения не часто, но сейчас был повод. Еще с весны Леонид выхлопотал путевку и перевез отца в подмосковный интернат для ветеранов «Железнодорожник». Обещал забрать его обратно через месяц, но обещание выполнять не спешил. Дважды навестил отца, поговорил с директором и главным врачом. Скоро осень, а Владимир Васильевич по-прежнему в казенном доме.

– Ты видишь, я живу в стесненных условиях, – говорил Алексей. – Три комнаты. Нас четверо, отец пятый. И мать еще...

– Мать умерла пять лет назад.

– Ну, я не о том. Я удивляюсь, как в этой тесноте мы с Людкой сумели двух детей сделать. Блин, ведь никакой личной жизни не было и нет. Я с женой переспать не могу, потому что...

– Понимаю. Отец был нужен до тех пор, пока дети подрастали. Теперь они пошли в школу, и старик стал лишним.

– Брось эту демагогию. Тебе хорошо рассуждать. Двухкомнатная квартира, пусть малогабаритная, но отдельная хата. Ты в разводе со своей мымрой, детей нет, рисуешь картинки, плюешь в потолок. И вообще порхаешь по жизни.

– Если бы ты весной честно сказал, что у тебя на уме. Объяснил так и так: хочу избавиться от отца, сдать его в дом престарелых. Потому что старый хрыч заедает мою молодую жизнь. Я бы предложил другой вариант. Пусть живет в моей квартире, он меня не стеснит.

– Понимаешь, есть возможность оставить его там. Так сказать, на постоянной основе, – Алексей тщательно подбирал слова. Тема деликатная, и ему не хотелось называть вещи своими именами.

– То есть как это, на постоянной основе?

– Я поговорил с тамошним начальством. Дело за малым. Требуется собрать кое-какие бумаженции. С места его последней работы, ну, с Казанского вокзала, из собеса. Он ведь заслуженный человек. Всю жизнь на железной дороге, не вылезал из командировок, помогал что-то там строить и восстанавливать. Ну, и все такое. Есть медаль «За доблестный труд», а уж почетными грамотами можно сортир на даче обклеить. Я вот всю жизнь вкалываю, как проклятый, не разгибаясь, света белого не вижу, но мне почему-то медаль не повесили. Грошовую премию выпишут – и слава Богу. А у него медаль... Я так понимаю, что государство не имеет права отправлять на помойку заслуженных людей.

– М-да, это право имеют их дети. Выброси из своей дурной башки этот дом престарелых. Еще раз заикнешься о нем и схлопочешь оп морде. Понял?

– Понял, – не стал спорить брат. – Но как ты собираешься ухаживать за стариком? Ты несколько месяцев пропадал в Воронеже. Ты вечно торчишь в каких-то мастерских... А за

отцом кто-то должен приглядывать. Нужна целая тонна лекарств. Нужны, наконец, деньги. Потому что его пенсии хватает кошке на молоко.

– Я найму ему сиделку.

– На какие шиши? На мою помощь можешь не рассчитывать. Я всего лишь инженер. У меня дети. А ты разбогател? Клад нашел или крупно выиграл в казино?

– Ты прав, с деньгами у меня проблемы, – вздохнул Бирюков. – Еще до отъезда в Воронеж дела шли так себе. Мне нечем было платить за аренду студии. Половину картин я перевез к себе на квартиру. И теперь они занимают большую комнату. Лежат штабелями, одна на другой, с пола до потолка. Сто с лишним работ маслом мне разрешили временно хранить в подвале районного загса. В свое время я помог им устроить бесплатные выставки художников из Московской области. Но в загсе сейчас ремонт. И каждый день я жду плохих известий. Мне позвонят и скажут: ваша картины залила канализация. Или они сгорели при пожаре.

– Вот видишь, сам говоришь...

– Дослушай. Я согласился поехать в Воронеж, ишачил там все лето, потому что по договору мне должны были заплатить кучу денег.

– А, за эту роспись фойе какого-то там Дворца культуры.

– Не какого-то, а комбината минеральных удобрений.

– Ах, удобрений? Это меняет дело. Удобрений... Все это я знаю. Ты уже рассказывал. И про удобрения тоже рассказывал.

– Но я не говорил, что получил вместо денег шиш. И хорошо еще, что заказчик оплачивал гостиницу, выдавал талоны на питание и покупал билеты на поезд. Иначе я бы вернулся назад без порток.

– Тебя что, кинули? – брат округлил глаза.

– Есть шанс вернуть деньги. Но нужно постараться. Тогда мне будет, чем заплатить за сиделку и отцовы лекарства. Кстати, мои пушки ты еще не продал?

– Нет, – Алексей нахмурился. – Покупателей не нашлось. Зачем тебе оружие?

– Ворон постреляю. А потом сдам в металлолом.

– Ты снова захотел неприятностей? Они у тебя уже были, вспомни...

– Мне нужны мои пистолеты.

– Черт с тобой, забирай, – брат пожал плечами. – А почему ты стал ходить с кейсом? Такие вещи – не в стиле свободных художников.

– Кейс не мой. Долго рассказывать. Ну, это посылка из Польши, которую я должен передать владельцу картинной галереи «Камея». Вот жду звонка.

Брат кивнул головой и потащился в прихожую, раскладывая стремянку. Через пару минут он доставал с антресолей спортивную сумку, стер тряпкой пыль. Бирюков расстегнул «молнию». Два пистолета ТТ и коробки с патронами. Все на месте.

* * *

Через полчаса Бирюков сел за руль выдавшей виды «девятки», сунул под сиденье пластиковый пакет, в котором лежало оружие. После разговора с братом на дне души шевелилась какая-то тягостная муть. Возвращаясь домой, он крутил баранку и перебирал в памяти события последних месяцев.

Прошлой осенью через бывшего однокашника по художественному училищу, сделавшего стремительную административную карьеру, Бирюков сумел пробить одну редкостную халтуру: заказ на оформление фойе в новом Дворце культуры в Воронеже. Предстояло расписать внутреннюю стену здания площадью триста двадцать квадратных метров. Зима и начало весны прошло в работе над эскизами и бесконечных согласованиях вариантов росписи. К середине марта все утрясли, и Бирюков вместе со своим помощником художником Пашей Ершовым присту-

пили к делу. Роспись была закончена в конце июля. Художники лазали по строительным лесам, которыми обнесли ту самую стену, и наводили последний марафет. Со дня на день ждали приезда Генерального директора комбината Артура Дашкевича. Заказчик должен взглянуть на работу, подписать бумаги и распорядиться, чтобы выплатили деньги. Настроение художников было прекрасным.

Директор Дворца культуры Денис Петрович Фатин, сутулый пожилой мужчина в очках с толстыми стеклами, ходил по фойе на цыпочках. «Великолепно, потрясающе, – повторял он и с чувством тряс испачканную краской руку Ершова. – Я всю жизнь работаю в учреждениях культуры, но такую красоту вижу впервые». Директор мог вытащить кожаное полукресло из кабинета, поставить его посередине фойе и часами наблюдать за тем, как Бирюков разводит краски, а проворный Ершов, вскарабкавшись на самую верхотуру, что-то там подмазывает. Фатину не мешал густой запах масляной краски и скипидара, и трудно было понять, то ли он действительно приходил в экстаз восторг от настенного панно, то человеку просто нечем заняться. И он дремлет в своем полукресле, убивая время.

Генеральный директор приехал, когда художники, решив, что больше нечего подмазывать и исправлять, разобрали настилы и ригеля строительных лесов. «В моем распоряжении ровно десять минут, – веско заявил Дашкевич. – Совсем зашиваюсь. Через месяц состоится торжественное открытие этой самой забегаловки». И развел руки в стороны, показывая на стены Дворца культуры. Начальник службы охраны комбината Сергей Ремизов, по совместительству выполнявший роль телохранителя, отошел в сторону, чтобы директору было где развернуться. «Сотни людей понаедут, – продолжил Дашкевич. – Торжественный банкет, тосты, речи, встречи... А мне это нужно, как боль в прямой кишке». Он замолчал, отступив назад, склонил голову на бок, стал пристально рассматривать работу. Художники стояли по правую руку от генерального директора и молчали. Директор Дворца культуры Фатин вытянулся в струнку и напряженно следил за выражением начальственного лица.

«М-да, – наконец сказал Дашкевич. – Тяжелый случай». «В каком смысле?» – насторожился Бирюков. «В самом прямом, – ответил Дашкевич. – К сожалению, в самом прямом смысле слова. Вы меня разочаровали». «Мы или наше панно?» – уточнил Ершов. «Я знаю, какие порядки в Москве, – Дашкевич не слушал собеседника. – Там без взяток не получишь заказа на роспись стен общественной уборной. Но у нас все по-другому. Здесь ценят художественное мастерство, а не блатные связи. Здесь как я сказал, так и будет. А я говорю, что это панно, выражаясь русским языком, ни богу свечка, ни черту кочерга. Этот Дворец культуры построили не для того, чтобы сюда работяги в кино ходили. Здесь будут принимать высоких гостей, начиная от нашего губернатора заканчивая всеми российскими министрами. И выше. Что они увидят?» «Действительно, что они увидят?» – подхватил Фатин. «Хрен знает что, – самому себе ответил Дашкевич. – Какой-то космонавт. Какая-то ракета. Звездное небо. Женщина, держащая на руках младенца. Пшеничное поле. У меня тут не роддом. И не завод по выпуску ракетных двигателей. Мой комбинат производит минеральные удобрения. Калийные и фосфатные. Повторяю по слогам. У-доб-ре-ния».

«Альфаре Сикейрос расписывал стены Рокфеллер Центра в Нью-Йорке и нарисовал Ленина, – с полоборота завелся Ершов. – И заказчик вынужден был согласиться с художником. Потому что...» Дашкевич взмахнул руками, словно отгонял муху. «Не хочу переходить на личности, но вы явно не Сикейрос, а я не Рокфеллер, – сказал он. – Наши таланты и финансовые возможности значительно скромнее. Поэтому будем реалистами». Бирюков вздохнул, опустил кисти в ведро с водой и вытер руки тряпкой. Он уже понял, что спорить с Дашкевичем – попусту тратить слова. Этот любого переговорит.

«А что, по-вашему, должно быть изображено на панно? – зло усмехнулся Ершов. – Большая куча дерьма? Ну, это чтобы все, даже самые тупые, поняли: здесь делают именно удобрения. Эскизы были согласованы, договор с нами подписан. Так в чем проблема?» «Договор под-

писывал мой предшественник, – отрезал Дашкевич. – Он был хорошим производственником, но не более того. Земля ему пухом. Этот человек совершенно не разбирался ни в современной экономике, ни в вашей наскальной живописи».

«Мы подадим в суд и выиграем», – выпалил Ершов. «Еще до того момента, как вы накажете свои заявления, мои моляры смоют роспись и отштукатурят стену, – Дашкевич прищурился. – Нет предмета для судебного разбирательства. О чем же мы будем спорить в суде? Кстати, я подам встречный иск. Укажу, что вы не выполнили работу в срок. Пальцем о палец не ударили. У меня есть свидетели, – он кивнул на директора Дворца культуры и своего телохранителя Ремизова. – Вот Фатин первым подтвердит, что вы тут пьянствовали, не просыхали неделями, а не стенку разрисовывали. Судебные исполнители опишут ваше жалкое имущество, с вас выдерут такую неустойку, что до гробовой доски будете должны мне бабки». Фатин закивал головой, как китайский болванчик. Мол, начальник всегда прав, на то он и начальник. Он говорит «пьянствовали», ему виднее. А я человек маленький. Ремизов тоже кивнул головой, хотя даже не старался понять, о чем базар.

«Судебные исполнители? Правда?» – удивился Ершов. «Чистая правда, – по-змеиному улыбнулся Дашкевич. – Но это еще не все неприятности. Об остальных своих проблемах вы узнаете позднее. Когда попадете в больницу с переломанными конечностями». Художники переглянулись. Можно не сомневаться, так оно и получится: встречный иск, неустойка, долги. И, разумеется, переломанные конечности.

«Что вы предлагаете?» – первым опомнился сообразительный Ершов. Дашкевич вытащил из кармана записную книжку, перевернул несколько листков, хотя помнил все цифры наизусть. «По договору комбинат должен заплатить вам за работу... Кажется, тридцать пять тысяч долларов, так? В марте месяце вы получили аванс – три тысячи долларов на двоих. Мое предложение: еще по штуке на нос. Это потолок. И разбежались. Советую соглашаться». «Мы работали над эскизами всю зиму, – заявил Ершов, хотя и он понял, что сражение на чужом поле проиграно. – С вашим покойным предшественником согласовали каждую композицию, каждую деталь. Он вносил поправки, мы переделывали работу. И, выходит, за полгода каторжного труда заработали на двоих аж по пять тысяч долларов?» «Это лучше, чем ничего, – пожал плечами Дашкевич. – Ну, ваш ответ?»

Ершов, сжимая кулаки, сделал шаг вперед. Вдохнул и сказал: «Согласны. Когда можно получить деньги?» «Приходите завтра утром на комбинат, будут заказаны пропуска, – тон Дашкевича смягчился. – Отдадите мне копию своего договора. И тут же получите деньги, наликком. Вы не забыли договор в Москве? Вот и хорошо. Значит, жду вас утром. И еще одна вещь... Мне не нравится эта ракета, нарисуйте вместо нее что-нибудь этакое, – Дашкевич начертил рукой в воздухе кривую линию. – Ну, приятное для глаза. Какой-нибудь воздушный шар, или русскую березку или что еще. Вам виднее. А баба с дитем и космонавт пусть остаются, хрен с ними».

Вечером в ведомственной гостинице, принадлежавшей все тому же комбинату минеральных удобрений, художники поужинали по талонам, Ершов на свои деньги купил водки. В номере выпил стакан и сказал: «Может, все-таки подадим на него в арбитраж?» «Бесполезно, – помотал головой Бирюков. От выпивки он отказался, зная, что настроение после выпивона совсем испортится. – Ты же слышал: здесь не Москва. Все судебные заседатели помещаются у Дашкевича в жилетном кармане. Да и сам суд может тянуться год или два. И мы его обязательно проиграем». Ершов повздыхал, допил водку и, не раздеваясь, уснул. Бирюков долго ворочался на кровати.

Подмывало вернуться во Дворец культуры, открыть дверь служебного входа своим ключом. Ночь работы, и панно волшебным образом изменится. На ракету можно посадить пару похабных чертей. Из скафандра космонавта вылезет гигантский детородный орган, который будет доставать ему до колен. А женщина... О, с женщиной можно сделать многое. Фанта-

зия художника безгранична. Но Бирюков остался лежать на кровати, он отвернулся к стене и постарался заснуть. Уродовать собственную работу – выше человеческих сил.

* * *

Утром художники явились на комбинат, передали экземпляры своих договоров Дашкевичу. «Не обижайтесь, у нас сейчас временные трудности с деньгами», – сказал генеральный директор. «Все слили на какой-нибудь оффшор? И теперь не можете получить обратно?» – поинтересовался Бирюков, он не сумел испортить благодушного настроения директора. «Художники должны оставаться голодными, должны страдать, – Дашкевич улыбнулся сладкой улыбочкой. Только что, не прикладывая никаких усилий, он заработал тридцать тысяч долларов. – Сытый художник – уже не художник». Бирюков ответил в том смысле, что страдать должны не одни художники, но и некоторые третьи лица. И эти лица еще обязательно пострадают. Все впереди. «Что вы имеете в виду?» – Дашкевич поднялся с кресла. Но вопрос повис в воздухе. Художники с подписанными платежными листами отправились в кассу.

Три последних дня перед отъездом Ершов, не покладая рук, соскабливал со стены контуры ракеты и рисовал воздушный шар. Бирюков, плюнув на бесполезную мазню, потратил время с пользой. Он подкараулил у административного здания секретаря Дашкевича, незамужнюю девушку Олю и пригласил ее в шикарное по здешним понятиям заведение «Терем-Теремок», что-то вроде дискотеки, стилизованной то ли под русскую избу, то ли под огромную баню. Девушка была так себе, на большого любителя. Делить с ней койку в гостиничном номере, из которого ради такого дела смотался на ночь Ершов, не хотелось. Но из любви к искусству можно пойти на и не на такие безрассудства...

Когда утром Оля мазала губки и пудрила носик в гостиничном номере, Бирюков предложил ей сделать хороший бизнес, потратив на это пять минут времени. «Всего пять? – спросила Оля. – Так и знала, что ты позвал в этот кабак, а потом затащил в постель, чтобы использовать в своих интересах. Корыстных». «Честно говоря, мне не до лирики, – ответил Бирюков. – Дашкевич кинул нас на большие деньги. И надо как-то эту проблему уладить. По-хорошему или по-плохому». «А если я обо всем расскажу боссу? – Оля не любила шутить, когда дело касалось денежных счетов. – Что тогда? У меня такое подозрение, что тебя увезут в Москву в сосновом ящике». «Возможно, – кивнул Бирюков. – Но ты останешься без премиальных. Разве что Дашкевич скажет „спасибо“ и подарит коробочку грошовых конфет». «Дождешься от него, – вздохнула Оля. – Ну, „спасибо“ скажет. А вот насчет конфет, – это вряд ли. Давай к делу». «Твой начальник часто ездит в Москву по делам, – сказал Бирюков и положил на журнальный столик две сотни. – А ты оформляешь ему командировку, заказываешь билеты и гостиницу. Так? Вот двести баксов задатка. Еще триста получишь телеграфным переводом до востребования».

«С чего такая щедрость?» – Оля, не дослушав, взяла со стола деньги и спрятала их на дне сумочки. Дашкевич не баловал подчиненных высоким окладами, поэтому надо иметь хорошую реакцию и ловить момент. «Когда в следующий раз этот урод соберется в столицу, ты просто наберешь номер моего мобильного телефона и скажешь, в какой гостинице он остановился, – Бирюков записал на клочке бумаги несколько цифр. – Гостиница и номер комнаты. Все. За один звонок – еще триста долларов».

«Да, хорошие премиальные, – Оля, покусывая губу, о чем-то размышляла, взвешивая все „за“ и „против“. Как всегда, победила жадность. – Ладно, позвоню». «В какой гостинице он обычно останавливается? Пользуется ли охраной? Сколько денег имеет при себе?» «Где есть свободные одноместные номера, там и останавливается, – по порядку ответила Оля. – Непременное условие – гостиница должна быть где-нибудь в центре. Охраной не пользуется. Деньги... Он не берет с собой много наличных. У него несколько пластиковых карточек. Даш-

кевич посещает в Москве самые дорогие бутики. Золотые побрякушки, соболиное манто для жены, пара французских костюмчиков себе – на это он денег не жалеет». «Он так любит супругу?» – удивился Бирюков. «Он всем в жизни обязан своей Вере, – ответила секретарь. – Балует ее дорогими подарками, пушинки сдувает. Ее отец – крупная шишка в областной администрации. У него такие связи, что Дашкевич, едва осиливший строительный техникум, стал генеральным директором крупного комбината».

«Чем он интересуется? Карты? Проститутки?» – спросил Бирюков. «Продажная любовь – не в его вкусе. К картам и рулетке равнодушен». "Постарайся сделать так, чтобы он остановился в «России», – попросил Бирюков. «Ну, если это важно для тебя, он остановится в „России“. Все, мне пора идти, любовничек. Возможно, я порадую тебя дней через десять. Готовь бабки». «Прощай», – Бирюков проводил женщину до двери.

«Не обмани с деньгами, – Оля погрозила кавалеру крошечным кулаком. – И не убивай там в Москве моего начальника. Лично мне его жизнь до лампочки. Но с моими внешними данными и так вишу на волоске. Того и гляди на дверь выпрыт. Но если вместо Дашкевича появится новый босс, секретаршу уж точно турнут с места. И возьмут вместо меня какую-нибудь потаскушку с фигурой манекенщицы». «Я его не убью», – неуверенно пообещал Бирюков.

Он уехал из города вечерним поездом, оставив Ершов дорисовывать панно.

Глава четвертая

Мобильный телефон зазвонил поздним вечером, в тот момент, когда Бирюков, накинув халат, вышел из ванной комнаты.

– Слушаю, – он узнал голос директорской секретарши. – Есть новости?

– Дашкевич завтра прилетает в Москву. Обратный билет заказан на вечер понедельника.

Кажется, хочет присмотреть или купить новую машину.

– В Южном порту?

– Только не смей мои тапочки. Он пойдет в автомобильный салон.

– Значит, Дашкевич при деньгах?

– Он всегда при деньгах. Вопрос: сколько денег? Свой кошелек, как ты, возможно, догадываешься, Дашкевич мне не показывал. Кстати, ты приготовил мою премию?

– Разумеется. Вот они деньги, у меня перед глазами. Все триста баксов.

– Что-то плохо верится. Хотя на жлоба ты не похож, но если можно не заплатить, наверняка не заплатишь. Поэтому я решила так: если деньги не поступят к утру понедельника, я связываюсь с Дашкевичем и рассказываю ему обо всем. Ты приставал ко мне, угрожал, пытаюсь выяснить, когда он появится в Москве, где остановится. Сразу я побоялась рассказать, потому что ты запугал меня. Но потом поняла, что моему любимому начальнику угрожает опасность, решила во всем признаться. Звучит убедительно, как думаешь?

– Не слишком, – Бирюков подумал, что Оля патологически любит деньги и вообще стерва первостатейная. – Дашкевич поверит даже этому убогому вранью. Но я не собираюсь тебя обманывать. Прямо сейчас поеду на центральный почтамт и отобью перевод.

– Что ж, верю на слово. Гостиница «Россия», как ты просил, четвертый блок шестьсот двенадцатый номер. Он прибудет в Москву утром в воскресенье, первым рейсом. Где-то в семь утра окажется в своем номере. Запомнил?

– Записал для памяти, – соврал Бирюков. – Весь наш разговор записал на пленку. Это чтобы ты молчала, а в голову не лезли шальные мысли.

– Гад же ты, – вздохнула Ольга. – Так и знала, что с тобой по честному нельзя.

– Можно. Запись – лишь мера предосторожности. Я ее сотру, когда игра закончится. А ты не забудь придти за деньгами в понедельник.

– Дам напоследок один добрый совет. Есть предчувствие, что живым я тебя больше не увижу. А предчувствие меня редко обманывает. Не знаю, чего ты там задумал. Но есть время поменять решение. Дашкевич не тот человек, с которым можно шутить, из него нельзя силой выгадать даже копейку. Он опасный мужик, твоих фортелей не поймет. И не простит.

– Ты расстроишься, если меня убьют?

– На полчаса. Прощай.

Бирюков дал отбой, скинул халат и стал одеваться к выходу. Деньги для Ольги нужно перевести прямо сейчас. Возможно, другого случая не будет.

* * *

Хозяин салона «Камя» Игорь Архипов сидел за круглым столом у окна, наблюдая, как по жестяному подоконнику барабанят дождевые капли. Перед ним стояла тарелка с вареной гречкой, настолько сухой, что жратва не лезла в горло, хотя Архипов испытывал мучительные приступы аппетита. Он ковырял ложкой свой несытный обед, откусывал кусочки от ломтя ржаного хлеба, залежавшегося, отдающего плесенью, и запивал еду пустым чаем. Тянул время, соображая, где находится.

Старый рубленый дом, две комнаты на первом этаже, обставленные кое-какой мебелью, русская печка, просторные сени. Наверх поднимается крепко сбитая прямая лестница с перилами. Что там наверху, в мансарде, неизвестно. В нескольких метрах за окном густые заросли крапивы, неряшливые сорняки, за ними сплошной некрашенный забор, потемневший от дождя. Где-то далеко заливисто лает собака. Виден кусок неба, затянутого облаками.

Поутру Архипова вывели к будке сортира. На участке царило все то же запустение, жухлая трава вместо грядок, у наглухо закрытых ворот стояла светлая «пятерка», на которой Архипов вчерашним вечером приехал к злополучному дому в Сокольниках. Приехал, чтобы прощупать своих клиентов. И вот что из этого вышло. Его избитого, придушенного, темной ночью перевезли сюда. Сколько времени провели в дороге, Архипов мог лишь догадываться. Его бросили на заднее сидение, с двух сторон сдавили мускулистыми плечами, заставили опустить голову на колени. Часы, бумажник, записную книжку и спортивную сумку забрали еще в подъезде.

К дому подъехали глухой ночью, Архипова вытащили из машины и пинками погнали к темному дому. Ночь он провел на железной койке, пристегнутый цепью к стойке своего жесткого ложа. Архипов не мог заснуть, он ворочался, гремел цепью, кто-то невидимый подкрадывался к нему в темноте, матерился и бога и душу, бил ногой в спину. Мурат Сайдаев, третий похититель, поднялся едва рассвело. Что-то проглотил на ходу, вышел из дома и назад не вернулся. Архипов решил, что этот ублюдок обязательно наведается к нему на квартиру, будет искать деньги и ценности, перевернет все вверх дном. И вернется назад с пустыми руками. Архипов хранил наличные в банковской ячейке, а не под матрасом.

Утром спустился с лестницы Ашот Карапетян, который спал наверху. Он дико зевнул, продрал глаза и, не сказав ни слова, отправился в сени, к рукомойнику, долго обливался водой, фыркал и выкрикивал что-то нечленораздельное. Видимо, вода была холодной.

С ноги Архипова снимали цепь, когда он просился на двор по нужде. К пленнику был приставлен среднего роста мужик лет тридцати по фамилии Панов, носивший короткие штаны и майку без рукавов. Все тело Панова, с предплечий до щиколоток, покрывал синий орнамент лагерных татуировок. «У меня ствол в кармане, – предупредил Панов, выводя пленника за заднее крыльцо. – Только ломанись, только пикни. И все. Считай, пуля уже сидит в твоём гнилом брюхе». Но «ломануться», рвануть, куда глаза глядят, перепрыгнуть неприступный забор, Архипов не мог. После вчерашнего вечера он плохо ориентировался в пространстве, едва перебирал ватными ногами, то и дело хватаясь за стену дома, чтобы не упасть. В голове шумело, будто там бушевал семибальный шторм, шею невозможно было повернуть, а затылок раскалывался от боли.

Архипов, закрывшись в будке сортира, спустил брюки, снял пиджак, уселся на сколоченный из неструганных досок стульчак. Пользуясь тем, что за ним никто не наблюдает, облазил карманы одежды, прощупал каждую складку. Он надорвал шелковую подкладку пиджака. За нее завалились сломанное золотое перо от ручки, пара пластмассовых зубочисток с обгрызенными кончиками, пуговица от брюк, свернутая трубочкой купюра в пятьдесят баксов. Купюра фальшивая, один из образцов, которые Архипов всегда держал при себе, чтобы при случае показать будущим покупателем. Сейчас уже не вспомнить, как и когда эта бумажка, провалившись через дырку во внутреннем кармане, упала за подкладку пиджака. Архипов тупо разглядывал свои находки, соображая, какую пользу человек в его положении может извлечь из никчемной бумажки и мелкого мусора. Как ни крути, получалось, что пользы никакой. Впрочем...

«Ты, дундук недоделанный, мать твою, – Панов так двинул ногой в дверь сортира с такой силой, что едва не сломал железный крючок. – Ты там в очко загремел или удавился?» «Рад бы удавиться. Но не на чем. Мой ремень выдернули», – Архипов поднялся, надел пиджак. Стал поспешно запихивать находки в потайной кармашек брюк, вшитый за поясом.

Мельком, когда проходили сени, он, увидел свое отражение в зеркале над рукомошкой и испугался. Продолговатый синяк на шее, губы распухли и посинели, лицо красное, одутловатое, будто он битый час висел головой вниз.

Вернувшись обратно в комнату, он упал на вонючий матрас в каких-то сомнительных пятнах, отвернулся к стене и забылся в дремоте. Его растолкали около полудня, усадили на табурет. Ашот Карапетян, умытый, с прилизанной шевелюрой, устроился на стуле у окна, закинув ногу на ногу, лениво выщевивал из себя вопросы. «Ну, зачем ты пришел в квартиру нашей соседки? – Ашот ковырял в зубах спичкой и сплевывал на пол. – Что ты хотел услышать?» Архипов медлил с ответом, потому что в голове продолжали шуметь морские волны, а смысл вопросов доходил туго. «Ну, это что-то вроде проверки. Обычная практика в таких случаях. Я вас не знаю. Не знаю, что у вас на уме. А впереди большая сделка. Большие деньги», – медленно говорил он. «Ты хотел нас грохнуть?» – Ашот усмехнулся. «В мыслях такого не было, – Архипов молитвенно прижал к груди руки. – Зачем?» «Кто из родных станет тебя искать, если ты исчезнешь, скажем, на неделю?» «Никто не станет, – ответил Архипов. После этих слов ему захотелось заплакать. – В галерее хватятся в понедельник. Оборвут телефон. У нас намечается выставка-продажа одного известного художника. До октября нужно многое успеть».

«Хорошо, – кивнул Ашот. – Где хранятся те триста тысяч левых баксов, которые ты хотел нам пулнуть? На твоей даче, на квартире?» Карапетян положил на стол пачку сигарет и зажег. «Деньги у Леонида Бирюкова, – Архипов выудил сигарету и прикурил. – Он художник. Иногда выставляет свои картины в моей галерее, но они плохо продаются. Я попросил его временно подержать у себя кейс с наличкой. Он вернет все по первому требованию». «Ты отдал триста тысяч баксов, пусть левых, первому встречному проходимцу?» – от удивления Карапетян закашлялся, едва не проглотил спичку. «Бирюков представления не имеет, что в кейсе, – пожал плечами Архипов. – Я использовал его в темную. Чемодан выполнен из специального пластика, его корпус молотком не разобьешь, плюс номерные замки». «Замки, мать твою, номерные, – передразнил Карапетян и высунул изо рта язык в белом нездоровом налете. – Доверить чемодан с деньгами не поймешь кому, первому встречному идиоту. Да, вы козел, мой юный друг. Не просто козел. После этого ты просто хренов обормот, последний дегенерат».

Через мгновение Архипов кубарем полетел с табуретки на пол. Стоявший сзади Панов врезал в бок носком башмака, а затем, уже лежащего, достал ударом в бок. Горящая сигарета обожгла пальцы, и покатила по полу. Панов наступил башмаком на кисть руки Архипова. Такой разговор продолжался минут сорок. Архипова усаживали на табурет, Карапетян, ковыряясь в зубах, задавал вопросы. Когда ответ не нравился армянину, Панов сзади бил пленника по спине или по шее. И тот снова летел на пол. После очередного тяжелого удара и неудачного падения на доски, кровь хлынула носом. И все закончилось. Архипов не мог подняться. Ему на лицо кинули смоченное водой полотенце. Когда кровотечение остановилось, разрешили переползти на кровать.

Полчаса назад его растолкали, Панов поставил на стол чай, миску с кашей, поверх которой положил два ломтя хлеба. «Слышь, крыса вонючая. Вставай и жри», – сказал он. Борясь с головокружением, Архипов пересел за стол и, взяв ложку, стал засовывать в себя несъедобную кашу. Ходики на стене показывали четверть третьего, за окном сгустились тучи, пошел дождик, стало так темно, будто уже наступил поздний вечер. Архипов разглядывал забор, мокрые лопухи и крапиву. Он с тоской думал, что живым ему отсюда не выбраться, как ни крути. Хоть, ползая перед ними, колени сотри в кровь, жизнь не выпросить. Эти отморозки вытянут всю информацию, получают у Бирюкова кейс с наличкой, Архипова выведут из дома, когда он в очередной раз попросится по нужде на двор, кончат выстрелом в затылок и закопают еще теплое тело в этих разросшихся лопухах, где-нибудь за сортиром. Возможно, садист Панов, этот урка, татуированный с ног до головы, просто забьет, затопчет его ногами, попрыгает на ребрах. А

потом вытащит свое перо и «попишет» Архипова, уже не живого, но еще и не мертвого. Других вариантов, истории со счастливым концом, впереди не виделось.

* * *

Услышав шаги на лестнице, Архипов обернулся, отодвинул в сторону полупустую миску с гречкой. Сверху спустился Карапетян, подошел к столу, уселся на стул и, криво ухмыляясь, пожелал пленнику приятного аппетита. Панов, мусоливший карточную колоду, поднялся с кровати, хотел встать за спиной Архипова, но армянин махнул рукой, пока сиди, где сидишь.

– Не принимай близко к заднице все, что произошло утром, – примирительным тоном сказал Карапетян, кивнул на Панова. – Больше он тебя не тронет. Если, конечно...

– Что, если?

– Я интересуюсь подробностями твоего бизнеса, его механизмом, – Карапетян положил на стол пачку сигарет. – Откуда ты получаешь левые доллары? Через кого? Где и кому реализуешь бабки? По какой цене? Какой процент имеешь?

– Вы хотите много знать, – Архипов опасно покосился на Панова. – Слишком много.

Урка нахмурился, вопросительно глянул на хозяина. Карапетян опустил веки, давая сигнал. Панов встал с кровати, зашел за спину пленника. Архипов ждал нового удара по голове или по спине.

– Выбор у тебя не велик. Ответишь на мои вопросы, выполнить несколько поручений. В противном случае... Ну, ты понимаешь, что от тебя останутся одни шнурки. И смерть будет трудной. Ночью, когда все кончится, мы спалим эту хату и уедем отсюда на твоей тачке. К утру тут останутся лишь холодные головешки и что-то похожее на обгоревший труп.

– Что-то похожее?

– Да, останки, отдаленно напоминающие труп. У тебя хорошее сердце?

– Хорошее. И печень тоже ничего. И мочевого пузыря крепкий.

– Значит, мучения продлятся долго. И оставь при себе дурацкие шуточки. Тебе страшно до блевотины, до кровавого поноса страшно. Но ты слишком гордый, чтобы в этом сознаться. Я даю слово: все сделаешь, как надо, не соврешь – шанс остаться в живых у тебя есть. Рассказывай по порядку, без навоящих вопросов.

Архипов помолчал минуту. Он ни о чем не думал, не взвешивал свои шансы. Он прислушивался. Панов шарил в сундуке, двигая какие-то железяки и склянки. Кажется, этот расписанный с ног до головы урка нашел, что искал. Наступила тишина, гулкая, прозрачная тишина.

– Ну? – спросил Карапетян.

– Сначала ответьте, зачем вам нужно все это знать? Это информация вам ничего не даст. В практическом смысле...

Он не успел договорить. Панов, подкравшись сзади, дернул Архипова за руку. Полоснул ножом по внешней стороне ладони. Архипов коротко вскрикнул от боли, вырвал руку, прижал рану к губам. Панов засмеялся истерическим надрывным смехом. Шлепнулся задом на кровать. Он высунул язык, лизнул окровавленный клинок и блаженно закатил глаза, будто испытал ни с чем не сравнимое удовольствие.

– А у тебя кровушка ничего, сладенькая. Но жидковата, – Панов сплюнул на пол и снова рассмеялся. – Ну, что молчишь, вонючка?

Архипов лизал порезанную руку, но рана оказалась глубокой. Лезвие ножа достало тонкие кости, кровь не успокаивалась. Капли падали на рубашку и брюки, на крашенные доски пола. Карапетян бросил на стол несвежий скомканный платок.

– На, перевяжись...

Преодолевая брезгливость, Архипов обвязал ладонь в два слоя, зубами затянул узел. Панов поднялся с кровати, замахнулся ножом.

– Сука, хочешь я тебе спину пером почешу?

– Я все расскажу, если вам это интересно, – Архипов прижимал к груди порезанную руку. – Вы понимаете, что фальшивые доллары производят не для того, чтобы втюхивать лохам у обменных пунктов или покупать на рынке женские ритузы, – начал Архипов. – С такой мелочью никто не вяжется. В России огромный рынок наличности, если сюда попадет двести-триста миллионов фальшивых долларов, никто не пострадает, кроме владельцев этих бумажек. Прошу, уберите ствол от моего затылка.

Архипов прикурил сигарету и продолжил. Доллары обычно берут крупными партиями, от двухсот тысяч и выше, с мелкими торговцами он не связывается. Покупатели, как правило, члены какой-то организованной преступной группировки. Фальшивки им нужны, чтобы расплачиваться за товар наличными. Например, весной московская братва покупает фуры с ранними овощами и фруктами. Затем тут же товар перепродают на рынках втроедорога, уже за реальные деньги. Фальшивыми баксами рассчитываются за угнанные на заказ автомобили, контрабандную аппаратуру, драгоценности. Или изделия из золота, которые изготавливают подпольные артели в Дагестане и Грузии. Затем к побрякушкам приделывают ярлыки и пломбы, накручивают цену и реализуют через собственную торговую сеть.

Или так: таджикам заказывают крупную партию героина. И отдают вместо настоящих баксов фальшак. Были случаи, когда левые деньги брали люди из этнических преступных группировок. Чеченцы, например. Своим киллерам, подрывникам, всякой мрази, которая делает грязную работу, суют фальшивки вместо настоящих баксов. Оружие, взрывчатка – это отдельная тема. Горы стволов, тонны динамита и пластита куплены за фальшивые баксы, при этом спрос на левые доллары не падает. Бандиты действуют безнаказанно, потому что их жертвы сами по уши в дерьме. Они никогда не пойдут в милицию с заявлением: «Я вывез контрабандой из Турции золото, которое затем продал за фальшивые деньги». Убытки просто списывают и молчат в тряпочку. Словом, на поддельные баксы покупают все, что можно достать на черном рынке за наличку.

Картинная галерея «Камея» не приносит большой прибыли, скорее наоборот, но это отличное прикрытие для деятельности сбытчика фальшивок. Там трется много народа, публика разношерстная, пестрая. За всеми милиция не уследит. Но если менты каким-то способом, выйдут на Архипова, изобличить его будет крайне сложно. Он получает зелень из Польши. Через границу товар перевозит некто Илья Борисович Сахно, работник нашего посольства, он не дипломат, скорее так... По хозяйственной части. Но, как и на всякого сотрудника МИДа, на него распространяется дипломатическая неприкосновенность. На таможне его багаж не досматривают. Поэтому из Польши сюда идут фальшивые деньги, обратно возвращаются настоящие. Сахно – человек с головой, он думает о завтрашнем дне, копит деньги себе на старость, внучке на приданое. Это надежный и ценный кадр, важное звено всей цепочки.

Доллары печатают где-то в пригороде Варшавы, о точном месте расположения типографии, о том, сколько людей задействовано в производстве, Архипов не имеет представления. Хозяин дела – выходец из России, осевший по другую сторону границы. Он пользуется документами на имя Горобца Романа Борисовича. Но имя и документы, это так, сплошное фуфло. У этого Горобца паспортов больше, чем у попа поминальников. Настоящее имя, место проживания не знает никто. Архипов работает на хозяина больше пяти лет, пользуется его безграничным доверием, босса он видит два-три раза в год, не чаще. Горобец приезжает в Москву, когда сочтет нужным, используя польский паспорт.

За эти пять лет ни разу не случилось крупных провалов, механизм производства, доставки и сбыта фальшивок работал, как швейцарские часы. Архипов получал с каждой сделки от двадцати до двадцати пяти процентов выручки. Выручкой он делится с двумя помощниками, еще в деле был один старик по фамилии Нифонтов, бывший печатник Гознака. Он проводил экспертизу купюр, которые поступали из Польши, получая за работу розовые

вознаграждения. Если качество было слабоватым, Архипов мог поторговаться с хозяином и выторговать скидку на новую партию долларов. Но недавно старика пристукнул весовой гирькой какой-то уличный громила, приезжий с Украины. И это как раз в тот момент, когда Нифонтов получил для исследования несколько сотенных купюр. Со смертью старика начались большие неприятности. Одному из помощников Архипова Максиму Жбанову пришлось залечь на дно у своей знакомой девицы. Другой помощник уже три недели торчит где-то на югах.

– Ты работал всего с двумя помощниками?

– Чем больше людей в деле, тем меньше денег на кармане.

– У тебя не было силового прикрытия?

– У меня есть связи. Если понадобятся люди, чтобы прикрыть мой зад, я их найду. Но пока такой необходимости не возникало.

– Что ж, возможно мы поладим, – смягчился Карапетян. – От тебя сейчас требуются две вещи. Первое: завтра, в крайнем случае, в понедельник нужно получить чемодан у того лоха, ну, этого долбаного художника. Второе: ты сегодня же сделаешь заказ своему хозяину в Польше на три лимона зеленых. Три лимона... И получишь эту посылку от Сахно.

– Я не могу с этой разукрашенной рожей, с порезанной рукой показываться на людях.

– В таком случае, посылку получу я.

– Сахно не отдаст вам чемодан. Слишком много незнакомых людей. В прошлый раз за посылкой приходил Бирюков, в этот раз придет...

Архипов замолчал, крепче затянул узел. Кровь уже пропитала платок насквозь.

– Ты хотел сказать: в этот раз придет какой-то вонючий чурка?

– Я хотел сказать: снова придет незнакомый человек. Сахно слишком осторожен.

– Пусть чемодан заберет твой Бирюков. Если дело выгорит, ты станешь свободным человеком.

– Но я... Этот долг, огромный неподъемный долг, повиснет на мне.

– Хватит лирики. Ответь: да или нет.

Карапетян поднялся со стула, заложил руки за спину. Панов переложил нож из левой руки в правую.

– Решай.

– А гарантии?

– На хер гарантии. Да или нет?

– Да, – выпалил Архипов. – Да, черт побери.

– Тогда звони своему Бирюкову.

* * *

В воскресное утро холл гостиничный холл пустовал. Где-то монотонно гудела поломочная машина, пожилая чета иностранцев в сопровождении переводчицы направлялась к стоящему у подъезда темному автомобилю. Сонный администратор, мужчина неопределенных лет, одетый в фирменную голубую рубашку и темный галстук, лениво перебирал бумажки и вздыхал. Тыкая пальцами в клавиатуру компьютера, вспоминал бессонную ночь, на которую пришелся большой заезд туристов из Италии. Одноместные номера нашлись не для всех, хотя и были заранее заказаны туристической фирмой. Скандала удалось избежать каким-то чудом, иностранцы до завтрашнего утра согласились на двухконечные полулюксы.

Бирюков, чисто выбритый, натянувший свой лучший костюм, встал перед стойкой и покашлял в кулак.

– Моя фамилия Бирюков, – сказал он. – Вам должен был позвонить насчет меня заместитель управляющего...

Администратор посмотрел на раннего посетителя туманными сонными глазами, кивнул головой.

– Как же, помню. Он попросил впустить вас без пропуска.

– Хочу нагряться к своему однокашнику. Сделать ему сюрприз. Он один в чужом городе, он никого не ждет, уже близок первый приступ ностальгии, и тут...

– М-да, понимаю. И тут появляется вы, – продолжил администратор. За долгие годы работы в гостинице подобные сюрпризы давно превратились для него в кошмары повседневной работы. Ты никого не ждешь, а к тебе валом валит народ. – Появляется вы во всем своем великолепии. Сваливаетесь, как снег на голову. Как кирпич. А в сумке, разумеется, коньяк.

– Водка.

– Какая гадость, особенно с утра. Идите. Я позвоню на этаж, вас пропустят.

– Совсем забыл, – Бирюков приложил ладонь ко лбу. – Через полчаса подойдет девочка.

В тот же номер. Пропустите и ее.

– О девочке разговора не было. По правилам этого не полагается.

– Тогда не получится никакого сюрприза.

– Ладно, пуцу, – у администратора не осталось сил для препирательств.

Не спросив документов, он лишь устало махнул рукой. Бирюков лифтом поднялся на шестой этаж, прошел мимо пустого столика дежурной по этажу. На ходу повесил сумку на плечо. Остановился перед шестисот двенадцатым номером, опустил вниз ручку, надавил на дверь плечом. Заперто. Настойчивый стук. В прихожей послышались шаги. Едва замок щелкнул, Бирюков с силой толкнул дверь. Хозяин номера, только что принявший душ и накинувший длинный шелковый халат не был готов к борьбе. Он отлетел в глубину тесного коридорчика, натолкнувшись спиной на раскрытую дверцу стенного шкафа.

– Какого хрена тут...

Дашкевич не успел закончить свою мысль, не успел опомниться, как незванный гость уже запер замок и, вытащив из-под брючного ремня пистолет. Ствол уперся в мягкий живот. Бирюков, ухватив директора свободной рукой за лацканы халата, протаскил в комнату. Толкнул на кровать. Дашкевич упал задом на матрас, он моргал глазами, стараясь понять, что за ураган на него налетел, откуда взялся этот хмырь с пистолетом.

– Вы что? Что... себе позволяете? – прошептали мертвеющие от страха губы. Он не успел разглядеть лица нападавшего, но отчетливо видел темное пистолетное дуло, направленное между глаз.

– Эй, чувак, проснись, – сказал Бирюков. – Ты храпишь.

Дашкевич поднял голову.

– Господи, это ты, – сказал он и вздохнул. Страх мгновенно отступил.

– Это я, – сознался Бирюков. – Пришел к тебе с приветом. Рассказать, что солнце встало, придурок ты этакий.

– Зачем ты приперся в гостиницу? – Дашкевич усмехнулся. – Хочешь стянуть казенное полотенце?

– Ты сам говорил, что в твоём городе будет так, как ты хочешь, – сказал Бирюков. – Поэтому я перенес разговор на свою территорию. Я хочу получить деньги, которые заработал. И я их получу, чего бы это ни стоило. Даже если ты сдохнешь.

Дашкевич потянулся к тумбочке, налил из графина стакан воды. И осушил его в два глотка.

– Дурак, ты не знаешь, с кем связываешься, – сказал он. – Я не тот человек, с которым проходят такие номера. Но мы можем разойтись по-хорошему. Это твой последний шанс. Одумайся. Все останется между нами.

– По-хорошему это как? Без денег и с переломанными конечностями, как ты обещал?

– Вышло недоразумение. Все можно поправить.

– Именно это я и стараюсь сделать.

Бирюков посмотрел на песочного цвета пиджак, висящий на спинке стула. Дашкевич перехватил взгляд.

– У меня нет денег, – заявил он. – Ну, совсем немного наличных, кошке на корм. И три пластиковые карточки. Но договор с банками заключен так, что я имею право снимать в день по сотне баксов. Не больше. Моя жена старается поджать мои расходы. Все из-за казино. Меня там крупно обули и с тех пор...

– Заткнись. Уши вянут от твоего вранья. Ты знаешь, что убивают не за тридцать штук, за гораздо меньшие деньги. Поэтому делай, что я говорю. Скидывай свой халат, спускай трусы и голяком ложись на кровать. Кверху задом.

– Не понимаю...

– Я сделаю тебе укол снотворного. Или грохну. Одно из двух.

Дашкевич с пунцовым, налитым кровью лицом поднялся с кровати, развязал пояс халата, бросил его на кресло. Спустив трусы, лег на живот. Такого унижения он не испытывал, кажется, за всю свою жизнь.

* * *

Одной рукой Бирюков вытащил из сумки шприц на десять миллилитров, в который вошла лошадиная доза регипнола. Зубами снял с иглы пластмассовый колпачок. Ткнув дулом пистолета между лопаток Дашкевича, присел на край кровати. И воткнул иголку в мягкое место. Дашкевич пискнул. Бирюков сделал инъекцию, поднялся, положил использованный шприц в сумку. И устроился на широком подоконнике, поставив ноги на журнальный столик. Он ждал, когда начнет действовать регипнол.

– Если я не проснусь после твоего снотворного... Если я врежу дуба, знай, что мои люди найдут тебя где угодно, – сказал Дашкевич. – Хоть в Китае. Наверняка служба видела, кто ко мне заходил. Тебя станут искать и менты, чтобы пришить мокрую статью. Но первыми найдут мои люди. Знай это...

– Не нагнетай напряженность, а то сам себя запугаешь и простыню испортишь, – ответил Бирюков. – Ты проснешься. Живой, здоровый, обедневший на тридцать штук и проценты, что накопили по долгу.

Дашкевич неподвижно лежал на кровати, сопел и скрипел зубами. Неожиданно приоткрыл глаза, посмотрел снизу вверх на Бирюкова.

– Наверное, картинки больше не рисуешь? – Дашкевич широко раскрыл пасть и зевнул. – Сменил специализацию? Теперь грабишь приезжих в гостиничных их номерах? Похвально. Большой прогресс для такого идиота. А я хотел подсказать тебе сюжет картины.

– Что-нибудь на производственную тему? Женщина с кувалдой на фоне дымящегося паровоза? Или работяга с лопатой перекидывает на транспортер твои минеральные удобрения?

– Никакой производственной тематики. Она не актуальна. Это трагическая, наполненная ужасом картина. Настоящий шедевр. Представь. Темное помещение, то ли сарай, то ли коровье стойло. К верхней балке привязана веревка, на которой болтается мужское тело, одетое в окровавленные лохмотья. Черты лица исказили муки невыносимого страдания, физическая боль. Физиономию словно свела судорога. Покойнику крепко досталось еще при жизни. Его пятки поджарены на костре, они превратились в черную обугленную корку, на обнаженной груди и шее отчетливо видны ножевые порезы и ссадины. По характерным пятнам крови на брюках, не трудно догадаться, что перед смертью бедняга был оскоплен. Если внимательно взглядеться, в убитом невольно узнаешь некоего Бирюкова. Я и название для картины придумал: «Дом повешенного».

– Оставь свой кладбищенский юмор. А картину с таким названием написали до меня. Художника звали Поль Сезанн.

– Не имеет значения. Дослушай. Полотно повесят на какой-нибудь галерее, где полно посетителей. Картина настолько страшная, что перед ней всегда будут толпиться народ, потому что людям больше всего на свете нравятся чужие страдания. А экскурсовод станет рассказывать, что это – последняя работа того самого Бирюкова. Живописец чудесным образом предчувствовал, предугадал во всех деталях собственную гибель, страшную в своей болезненности. И написал это замечательное полотно. Именно так и кончил свои дни самобытный художник, чей талант современники не оценили при жизни. Он был до полусмерти замучен неизвестными садистами. А потом Бирюкова просто вздернули на веревке. Как собаку. Нравится идея? Поспеши, и ты успеешь написать картину. Если ее выставят на продажу, я не пожалею денег.

– Лучше купи веревку себе.

– Да, не пожалею денег... И повешу картину в домашнем кабинете, чтобы в часы досуга предаваться приятным воспоминаниям. Вырученные от продажи полотна деньги пойдут на восстановление твоей оскверненной могилы. Которую, правда, снова не единожды осквернят.

Дашкевич зевнул и с головой накрылся простыней. Бирюков, не теряя времени, обыскал номер. В чемодане и дорожной сумке, как и следовало ожидать, не нашлось ничего интересного. В портмоне четыреста баксов и три пластиковые карточки.

Глава пятая

Через четверть часа в дверь постучали, Бирюков пустил в номер наштукатуренную девицу с лицом, на котором отпечатались едва ли не все человеческие пороки. Дамочка назвалась Марго, прошла в комнату и остановилась на пороге, ошалело уставилась на спящего Дашкевича.

– Ого, это еще что за явление? – Марго присвистнула. – Вас двое. Значит, не сто, а сто пятьдесят баксов.

– Мы договорились за сотню.

– Красавчик, контора, в которой я работаю, называется «Аэлита», а не «Секс для нищих». Если клиентов двое, цена повышается в полтора раза.

– Доплачу, – поморщился Бирюков. – Ты не теряй времени. Раздевайся.

Бирюков сдернул простыню. Дашкевич застонал и перевернулся с бока на спину.

– Он что, пьян? – спросила Марго.

– Просто от безделья наглотался каких-то колес. И вырубился.

– Я не могу работать человеком, который спит. Если требуется секс, нужно открыть глаза и проснуться. Это как минимум.

– Секс не нужен. Требуется другое. Ложись на кровать, прижми к себе эту сонную тетерю. Изобрази страсть. Ведь это ты умеешь, тебя этому учили.

Женщина сняла платье через голову, оставшись в нижнем белье, вопросительно посмотрела на Бирюкова.

– Все снимай. Я сделаю несколько фотографий. Не бойся, эти снимки не покинут пределов гостиничного номера. Когда он проснется, придет в восторг, увидав карточки. Это, ну, как бы сказать... Сюрприз что ли.

Марго спустила чулки, раздевшись догола, легла в постель. Стараясь изобразить что-то похожее на половую близость, крепко обняла Дашкевича, притянула к себе. Бирюков вытащил из сумки «Полароид», сделал несколько фотографий. И попросил Марго сменить позицию.

– Теперь ты сверху, – сказал он. – Садись на него. Ага, вот на это самое место. Ноги пошире. Устраивайся поудобнее. Можешь оцарапать его грудь. В порыве животной страсти.

– М-да, я изнемогаю от желания.

Сверкнула вспышка. Бирюков сделал еще пяток снимков, рассказывая девице, каким именно должен получиться следующий кадр, и что ей следует делать. Через двадцать минут кассета была использована, съемка закончилась.

– Одевайся, – сказал Бирюков.

– А как же ты? Ты-то не спишь.

– Сейчас не до этого. Если мне приспичит, знаю, где тебя искать.

– Только в следующий раз давай встретимся без этого хрена.

Марго показала пальцем на Дашкевича, разметавшегося на кровати. Он пускал слюни и чмокал губами, будто звал женщину вернуться обратно и продолжить любовные утехы.

– Вот, посмотри, если хочешь. Можешь взять карточку на память.

Бирюков разложил фотографии рядами на журнальном столике.

– Какая похабщина, – осуждающе покачала головой Марго, застегнув бюстгальтер, засунула в него деньги. – Не нужна мне такая память.

– А, по-моему, хорошие, высокохудожественные снимки. Если отправить их в «Хастлер», можно запросто получить пятизначный гонорар.

– Не свисти много, мальчик. Нужен «Хастлеру» этот сонный идиот. Господи, три года работаю в эскорт услугах, – девица вздохнула. – Чего только не насмотрелась. Но первый раз

меня вызывают за тем, чтобы положить в постель с мертвецки пьяным наркоманом. А потом сфотографировать с ним во всех видах. Извращенцы несчастные.

Бирюков выпроводил девицу. Положил карточки и фотоаппарат в сумку и через десять минут покинул гостиницу.

Он думал о том, первый раунд этой опасной игры остался за ним, но от этого не легче. Первый раунд – не победа. В портмоне Дашкевича триста пятьдесят баксов бумажками, плюс некоторая сумма в рублях, но Бирюков пришел не за мелочью. Его главная добыча – три пластиковых карточки, по которым, несомненно, можно получить искомые тридцать тысяч баксов. Вопрос – как это сделать? Воскресенье – все московские банки закрыты. Но и в понедельник для обналички значительной суммы в банке мало просто предъявить карту, нужно знать ее пин-код, иначе дело кончится не деньгами, а милицией, судом и лагерным сроком за разбой и мошенничество.

Возможно, в воскресный день в столице найдется пара действующих банкоматов. Но и они не решат проблемы. Единовременно можно обналичить не более двухсот, максимум, трехсот баксов. Если снимать деньги несколько раз, с промежутком в пять-десять минут, автомат может заблокировать банковский счет до понедельника. Такова программа, заложенная в большинство этих проклятых машин: тормозить сомнительные операции. Кроме того, для обналички, даже для проверки денежного остатка на счете, нужно знать все те же пин-коды карточек. Вытягивать из Дашкевича номера пин-кодов, угрожая ему пистолетом, не имело смысла. Если он не дурак, то наверняка соврал бы, намеренно перепутал цифры. А он не дурак. Через три-четыре часа Дашкевич очнется, первым делом позвонит в банк дежурному оператору, потребует приостановить действие кредиток.

Что можно успеть за эти жалкие три часа? Сделать покупку. Продавцы дорогих бутиков и ювелирных салонов, как правило, не спрашивают номера пин-кодов. Были бы у покупателя деньги на счете, все остальное – мелочи жизни.

* * *

В это воскресное утро заместитель управляющего ювелирным магазином «Две короны» Вадим Петрович Хомич по обыкновению листал газету, устроившись за столом в своем крошечном рабочем кабинете. Кто-то из начальства должен всегда присутствовать в офисе, таковы правила. А это воскресенье для Хомича – рабочее. К концу лета объем продаж падал, большая удача, если в течение дня удавалось продать две-три вещицы. Впрочем, в этот элитный магазин народ с улицы ни в какое время года не валил валом. Сюда приходили люди солидные, обеспеченные мужчины, адвокаты и банкиры, которые могут запросто выкинуть несколько тысяч долларов, чтобы побаловать себя или близкую женщину дорогой побрякушкой.

Хомич перелистывал страницы, предвкушая спокойный день, который закончится поездкой на дачу, где он проведет весь понедельник. И тогда... Хомич не успел во всех деталях представить себе идиллическую картину семейного пикника. Зазвонил колокольчик. Это значит, что старший продавец, находящийся в торговом зале, нажал кнопку, вмонтированную под прилавком. Таки образом, оперативно, без беготни, он дает знать заместителю управляющего, что появился солидный клиент, который собирается приобрести что-то очень ценное. Хомичу нужно срочно появиться за прилавком и сказать пару веских слов, чтобы покупатель не уплыл. Отбросив газету, Вадим Петрович по узкому коридору вышел в зал. Два продавца на своих местах и один посетитель, мужчина лет сорока в светло сером пиджаке, вот и вся расстановка сил.

Посетитель, склонившись над застекленным прилавком, разглядывал гарнитур, кольцо с изумрудами и пару серег с большими бриллиантами в виде капель, помещенный под пуленепробиваемое стекло. Бирюкова интересовало не качество камней, в котором он не сомневался,

а цена гарнитура. Шестьдесят три тысячи долларов с мелочью... Можно ли расплатиться за эти вещицы пластиковыми карточками Дашкевича, хватит ли денег? Большой вопрос.

Если верить секретарю, ее босс приехал в Москву, чтобы присмотреть или купить автомобиль. Присмотреть или купить? Большая разница.

– Интересуетесь гарнитуром? – вкрадчиво спросил Хомич.

– Пожалуй, – кивнул Бирюков.

Стоя по другую сторону прилавка, Хомич внимательно разглядывал пиджак посетителя, его наручные часы и галстук. Вещи недорогие. Все так себе, ширпотреб ниже среднего. Судя по виду, посетитель – человек с весьма скромным достатком, который не может позволить себе купить в «Двух коронах» самые дешевые запонки или заколку для галстука. Но умудренный опытом Хомич, давно взял за правило: здесь, в России, не судить о состоятельности человеке по его внешнему виду и качеству костюма.

– Этот гарнитур – жемчужина нашей коллекции, – заместитель управляющего гордо поднял подборок. – У нас есть более дорогие вещи. Но это – настоящий образец высокого вкуса и ювелирного мастерства. Нитка колье выполнена из белого золота, в нее вкраплены мелкие бриллианты. Сама нитка заканчивается перепонкой, которая, как вы видите, украшена четырехгранным изумрудом. С боков и посередине перепонке еще три безупречных крупных изумруда, напоминающие капли. Над этим произведением трудились лучшие бельгийские ювелиры. Если у вас есть лишние деньги, вложите их в это чудо.

Хомич открыл замок, запустив руку под стекло, вытащил и поставил на прилавок коробку с колье и серьгами, обшитую голубым бархатом.

– Бриллиантовые серьги прекрасно дополняют композицию, – без запинки продолжал он. – Серьги, как и колье, выполнены из белого золота высшей пробы. Камни – чистой воды в виде капель. Нет нарушений геометрии, сколов, искривлений граней. Здесь применен новый тип гранения, изобретенный бельгийцами. Это так называемая бриллиантовая огранка на семьдесят три факта называется «Хайлат-Кат». Алмазы с бриллиантовой огранкой стоят почти на двадцать процентов дороже так называемой «розочки». Посмотрите, камни светятся изнутри.

Бирюков слушал заместителя управляющего в пол-уха, машинально кивал головой. И ожидал, когда же Хомич сделает паузу, чтобы вставить слово.

– Вы принимаете карточки?

– Да, разумеется, – кивнул Хомяков. – У нас солидная фирма, официальный дилер старейших ювелирных домов Европы. И наши клиенты предпочитают наличным пластик.

– Я возьму этот гарнитур. Признаться, я колебался. Я не самый великий специалист по камушкам. Но вы меня убедили окончательно.

Бирюков полез в карман за бумажником Дашкевича. Расстегнул клапан, вытащил и положил на прилавок карточку «Виза».

– Пожалуйста.

Продавец взял карту, остановился перед кассовым аппаратом. Бирюков, напустив на себя рассеянный вид, склонившись над прилавком, продолжал рассматривать колье и серьги, любоваться, как в свете ламп дневного освещения играют камушки.

– Простите, – продавец вернулся, положил карточку перед покупателем. – Но тут какая-то ошибка. Слишком мало денег...

– Ах, черт, я дал не ту карту, – Бирюков шлепнул себя ладонью по лбу. Он спрятал «Визу» в бумажнике, положил на прилавок «Маэстро». Продавец отошел к кассе.

– К гарнитуру прилагается номерной сертификат бельгийской фирмы, – продолжил Хомич без прежнего энтузиазма. Сомнения в платежеспособности клиента вновь захватили его душу. Он увидел пятнышко от краски на лацкане пиджака Бирюкова, глянул на потертый

узел галстука и, не удержавшись, поморщился. – Этот сертификат удостоверяет, что при изготовлении гарнитура были использованы лучшие...

– Прощу прощения еще раз, – продавец вернулся и положил карточку на прилавок. – Здесь очень мало денег... Хватит, чтобы купить кроссовки в спортивном магазине, но для нас...

– Ах, да, конечно, – Бирюков достал платок и прижал его ко лбу. – Виноват. Все моя забывчивость. На прошлой неделе я давал эту карточку жене. Она сделала уйму покупок, заказала мебель для гостиной. У нас новая квартира, поэтому деньги уходят, как вода в песок.

Бирюков протянул продавцу «Еврокард».

– Конечно, новая квартира – это так хлопотно и так накладно, – хмуро кивнул Хомич. – По себе знаю, что такое переезд на новое место. Это, как говорится, хуже пожара...

Хомич взял с прилавка коробку, спрятал ее под стекло витрины, повернул ключ в замке. Левую руку как бы невзначай положил на край прилавка, большим пальцем нащупал кнопку тревожной сигнализации, вмонтированную в столешницу. Он смотрел на Бирюкова и продолжал улыбаться. Этот тип сразу не понравился Хомичу. Его одежда, засаленный галстук, дешевые часы... Все это очень подозрительно. Возможно, это бандит, стянувший кошелек у иностранца. Не ровен час, ради этих пластиковых карточек он убил человека. В этом жестоком мире возможно все.

А Хомич уважаемый законопослушный гражданин. Его долг сообщать в милицию о подозрительных личностях, которые случайно оказались в его магазине. Заместитель управляющего не станет позорить свои благородные седины, честь свой фирмы. Пусть этого молодчика допросят в ближайшем отделении. Пусть он расскажет, откуда взялись карточки, чья кровь пролилась за эти кусочки пластика. С другой стороны двери дежурят два амбала охранника, в маленьком торговом зале натыкали пять камер слежения. Этот тип никуда не денется. Даже если он вооружен и пробьется через охрану, далеко ему не уйти. Здесь самый центр Москвы, до Кремля два шага. Нет, никуда он не денется голубчик.

– Все в порядке, – громко сказал продавец и, прокатав карточку на машинке, вернул ее Бирюкову. – Один момент, я выпишу чек, все оформлю и упакую.

Хомич подавил вздох облегчения. Он снял палец с красной кнопки, повернул ключ, открыв ящик прилавка, поставил голубую коробку с гарнитуром на стекло.

– Вы не пожалеете, что пришли именно к нам, – сказал он. – По секрету скажу: мы не опускаемся до всякой дешевки. До золотых побрякушек, которые годятся только на металлолом. Всяких там цепей, крестов и другой безвкусицы. Всегда будем рады видеть вас.

– Спасибо, – вяло ответил Бирюков и спрятал бумажник в карман. – С удовольствием воспользуюсь вашим предложением.

Теперь строй мыслей Хомича кардинально изменился. Вадим Петрович подумал, что покупатель просто рассеянный человек, прибитый жизнью. Добрый, честный мальчик. Видно, работает в каком-то крупном банке или торговом доме, делает деньги, света белого не видит. А дома стервозная жена вытягивает из него наличность, как производственный насос. Человеку не досуг поинтересоваться, остатками на карточке. Хомич даже смутился оттого, что еще минуту назад чуть не нажал кнопку тревожной сигнализации. Пришлось бы оправдываться, извиняться. Главное, он упустил бы клиента.

* * *

Через полчаса Бирюков вернулся в гостиничный холл, подошел к стойке администратора. Мужчину, дежурившего утром, сменила увядшая женщина с ярко накрашенными губами и приклеенными ресницами.

– Чем могу?

– Я бы хотел оставить пакет для своего приятеля, – сказал Бирюков. – Он приехал в Москву сегодня утром и сейчас отдыхает с дороги. Вас не затруднит передать мою посылку под вечер, часов в пять. В это время мой друг должен проснуться.

– Оставляйте, – женщина надула губы, словно хотела обидеться. – Передадим.

Бирюков положил на стойку большой конверт из плотной бумаги. На конверте он вывел цифру шестьсот двенадцать и фамилию директора комбината минеральных удобрений. Конверт содержал в себе портмоне с пластиковыми карточками, бумажные деньги и несколько пикантных фотографий.

В седьмом часу вечера ожил телефон в номере Дашкевича. Артур Константинович, метавшийся по номеру, как зверь по клетке, сорвал трубку.

– Ты мне больше ничего не должен, – сказал Бирюков. – Мы квиты. Но, возможно, ты придерживаешься иного мнения. Думаешь о реванше. Предупреждаю, если со мной что-то случиться, фотографии, которые ты нашел в конверте, попадут к твоей жене. Думаю, что любовь этой женщины стоит гораздо дороже каких-то несчастных шестидесяти трех тысяч баксов. А? Как ты сам думаешь?

– Ты шантажист, – проорал в трубку Дашкевич. – Просто паршивый шантажист и ворюга. Только посмей отправить эту грязную порнографию моей жене. Только посмей, гнида... Знай, ты еще нажрешься грязи. Меня не возьмешь на этот понт. Ты думаешь, что все кончено. Как бы не так, сука. Мы еще с тобой...

Бирюков, не дослушав, положил трубку.

* * *

Средняя школа, построенная полвека назад, переживало вторую молодость. За лето рабочие отштукатурили фасад, покрыли его ядовито желтой краской, и сейчас, в последние дни лета, завершали косметический ремонт первого этажа. Старший следователь межрайонной прокуратуры Олег Липатов, чтобы ненароком не испортить новый костюм, вошел в здание через черный ход, поднялся на второй этаж, по широкому пустому коридору дошагал до двери с табличкой «учительская» и, не постучав, потянул на себя ручку. В большой комнате, где только сегодня расставили рабочие столы, его ждал директор школы Петр Николаевич Власенко, одетый в легкомысленную молодежную рубашку и светлые штаны, и седовласая учительница химии Валентина Павловна Чернова.

– Не опоздал? – спросил Липатов и, посмотрев на часы, убедился, что пришел раньше назначенного времени.

Власенко крепко тряхнул руку следователя, усадил его на прикрытый газетой табурет. Пошире распахнул створки окна, чтобы от запаха свежей краски у гостя не разболелась голова. Учительнице предложил мягкий стул. Сам уселся на широкий подоконник и свесил ноги.

– Возможно, я попусту отнимаю ваше время, – сказал Власенко. – На прошлой неделе мы беседовали о нашем ночном стороже Нифонтове, которого ограбил и убил какой-то подонок. Вы попросили меня звонить, если я вспомню что-то важное, значимое для следствия. Лично я ничего особенного вспомнить о старике не смог. Непьющий, исполнительный, никогда не опаздывал на работу, не сквернословил. Вот и все. Но вот Валентина Павловна...

Директор показал рукой на Чернову.

– Она заметила за покойным некую странность. Пожалуйста, Валентина Петровна, расскажите...

– Однажды я застала сторожа в своем классе, – Чернова говорила тусклым бесцветным голосом. Видимо, она волновалась. Теребила наглухо застегнутый ворот серой блузки и поправляла очки. – Иногда я прихожу в школу задолго до начала занятий. Дело в том, что моя семья живет в стесненных условиях, родился второй внук. Дома не всегда есть возможность

подготовиться к урокам. Директор знает о моих трудностях, поэтому Петр Николаевич выдал мне ключ от черного хода. Ну, чтобы я готовилась здесь...

– Да, да, понимаю, – нетерпеливо кивнул Липатов, не любивший, когда собеседники долго разжевывают простую мысль. – Вы могли попасть в школу незаметно. Ночной сторож не видел, как вы входили в здание. Правильно?

– Совершенно верно, – кивнула Чернова. – В тот день я думала, что покойный Нифонтов, как всегда, спит на раскладушке в физкультурном зале. Я закрыла за собой дверь черного хода, поднялась по лестнице на третий этаж. Было темно, я прошла по коридору и остановилась перед кабинетом химии. За дверью горел свет. Накануне я уходила последней. И точно помню, что свет выключала. Все это было так странно... Я даже немного оробела.

Чернова сняла очки и, вытащив из сумочки платок, протерла чистые стекла.

– А затем я вошла в класс. Дернула за ручку двери и увидела Нифонтова. Он сидел за партой у окна. Перед ним стоял микроскоп, он наклонился к окуляру и что-то разглядывал сквозь стекло. Парты оборудованы так, чтобы старшеклассники могли делать простейшие химические опыты. К каждому столу подведена газовая горелка. На столах микроскопы, старые, но вполне пригодные. Реактивы для опытов хранятся в лаборантской, это смежная с классом комната.

– Как отреагировал Нифонтов на ваше появление?

– Ясно, он никого не ждал. Нифонтов смутился, вытащил какую-то бумажку, которую он разглядывал под микроскопом и, скомкав, сунул ее в карман. На столе перед Нифонтовым стояли две реторты с резиновыми пробками, закрепленные в металлических держателях. Одна, кажется, с уксусом. Вторая с какой-то щелочью. Он так разволновался, что чуть не опрокинул склянки. «Простите», – сказал он. «Вы интересуетесь химией?» – спросила я. «Да как сказать, – он пожал плечами, не зная, что ответить. – Просто любопытство одолело. Хотел в микроскоп посмотреть». Он стоял за партой, как провинившийся ученик и собирался с мыслями. Тут я подошла к двери в лаборантскую. Она была не заперта. «Простите, я каким образом вы открыли этот замок? – я всерьез разозлилась. – Пальцем что ли?» Нифонтов смутился еще сильнее, подошел к двери, пробормотал «простите» и был таков. Эта история показалась мне очень подозрительной. И неприятной.

– Где хранятся ключи от химического кабинета? – спросил Липатов.

– Запасные ключи висят здесь, в учительской, – ответила Чернова. – Застекленный шкафчик, под стеклом ключи с бирками. На бирках номера кабинетов. Сейчас на время ремонта шкафчик сняли. Кроме того, у каждого педагога есть ключ от своего класса. Но ключи от лаборантской хранятся только у меня. Там реактивы, кислоты, горючие вещества. Такие вещи не должны попадать в руки школьников.

– А лаборант?

– У нас нет лаборанта.

– Понятно. Вы застали Нифонтова в классе химии лишь однажды?

– Да, один раз. Но у меня такое впечатление, что Нифонтов еще не раз приходил в лаборантскую. У меня хорошая зрительная память. Я замечала, что некоторые вещи стоят не на своих местах.

– Вы сообщили о том ночном происшествии директору школы?

Чернова снизу вверх посмотрела на Власенку. Вздохнула и протерла очки.

– Сначала я хотела написать докладную на имя директора, – сказала она. – Но передумала. Чего доброго, Петр Николаевич решит, что старуха впадает в маразм. Как говорится, годы берут свое. Но когда Нифонтова убили, а затем следователь прокуратуры появился в школе, разговаривал с директором... Ну, я подумала, что должна сообщить о том происшествии. Возможно, оно имеет какое-то отношение к убийству. Это не мне решать.

Липатов поблагодарил Власенку и Чернову за помощь и ушел. Шагая от школы к метро, он думал, сегодня утром в городской больнице был задержан Максим Жбанов. На несколько

дней он пропал из поля зрения, отсиживался у знакомой женщины. Сегодня утром Жбанов позвонил в больницу, где с опухолью гортани лежала его мать, поинтересовался ее здоровьем. «Состояние тяжелое, – ответила дежурная. – Если вы родственник, лучше приехать немедленно». «Я знакомый, – запинаясь, ответил Жбан. – То есть, не ее. Родственников знакомый».

Через полчаса он притопал в приемный покой, где Жбана ждали оперативники. Из больницы его доставили прямо в прокуратуру, и теперь Жбанов мается в ожидании допроса. Впрочем, наивно рассчитывать, что этот малый расколется и сдаст своих подельников, как пустую посуду. Он будет отнекиваться до последнего. И, скорее всего, Жбана придется отпустить на все четыре стороны. За ним установят наблюдение. Телефон девчонки, у которой прячется любовник, завтра поставят на прослушку. Останется запастись терпением и ждать.

* * *

Допрос Жбанова Лапатов не оформлял протоколом. Следователь слабо надеялся, что беседа получится доверительной, а лишние бумажки в таком деле помеха. Но из затеи с доверительным разговором ничего не вышло. Жбанов вел себя вызывающе нагло. Развалившись на стуле, он лениво выцеживал из себя ответы, в которых не содержалось даже песчинки полезной информации. Наконец Липатов решил свертывать представление, продолжавшееся около двух часов.

– Какой у тебя род занятий? – спросил Липатов.

– Никакой.

– То есть?

– Никакой.

– Я мечтал стать артистом, – сказал Жбан. – Но мои музыкальные способности испортили преподаватели, еще в музыкальной школе. Короче, я так и не распелся. Но, может быть, это и к лучшему.

– Чем собираешься заниматься? Торговать поддельными долларами, как и раньше?

– Слушайте, я никогда не торговал долларами. Ни фальшивыми, ни настоящими. А если я соскучусь по работе, найду какую-нибудь мужественную романтическую профессию. Устроюсь дворником или ассистентом стоматолога.

– Ну, в этом деле я тебе могу помочь. С работой. Определить тебя лет на восемь в какую-нибудь глухомань на лесосеку. Кормежка на зоне бесплатная. Будешь хорошо вкалывать, на ларек заработаешь.

– Спасибо. Постараюсь сам куда-нибудь приткнуться.

– Тебя еще задерживали с поддельными долларами на кармане. С той поры ты не поумнел.

– Я уже сто раз давал показания по тому эпизоду. Валюту купил возле обменника у незнакомого барыги. Торопился, а у окошка очередь. Дело было перед праздниками. Короче, мне всучили фальшак. Я тут пострадавшая сторона, а из меня хотели сделать обвиняемого.

– Ты передал покойному Нифонтову тысячу зеленых. С какой целью?

– Слушайте, не мучайте Макса Жбанова и сами не надрывайтесь. У вас ничего нет на меня. Я беседовал с каким-то стариком за десять минут до его гибели. Предположим, так оно и было. В чем тут состав преступления? Долларов старику я не передавал. И доказать обратное вы не сможете. Меня могут посадить только в том случае, если прокурор лично подберет судью для процесса, а заседателей привезут из ближайшего дурдома. В противном случае, дело рассыплется. А над вами будут смеяться. Можно попросить сигарету?

– Еще чего? – усмехнулся Липатов. – Может тебе кофе в постель принести?

– Я еще не лег.

– Скоро ляжешь, – пообещал следователь. – Но не на мягкую перину, а в грязную канаву. А рядом будут только крысы, твои выбитые зубы и много крови.

– Угрожаете? Я так и думал: и до этого дело дойдет. Все ограничится психологическим давлением? Или собираетесь меня пытаться?

– Ты отстал от жизни. От этих методов мы отказались много лет назад.

– Ох, какой прогресс. А я почему-то был уверен, что вы до сих пор работаете по старинке. Надо же, я ошибался... Я сам в душе человек старомодный. Поэтому прежние методы вашей работы мне как-то ближе, понятнее.

– Напрасно паясничаешь. Люди, с которыми ты работаешь, не дадут тебе умереть естественной смертью. Понял? Сегодня ты не хочешь сотрудничать со следствием. Скоро поменяешь решение, но будет поздно. Ты занимаешься сбытом фальшивой валюты. Крупных сумм. Ты не хочешь назвать подельников. А я и не настаиваю. Но ты прокололся, когда у покойного старика нашли тысячу баксов, которые ты ему передал. Твоей вины здесь нет, так сложились обстоятельства. Но прежней дружбы со своими хозяевами у тебя больше не будет. Максим, ты давно занимаешься сбытом фальшивок, многое знаешь, а теперь попал в нашу разработку. Догадываешься, что с тобой случится в ближайшем будущем? Тебя грохнут не сегодня, так завтра.

– Не все же такие догадливые, как вы, – буркнул Жбанов. – Грохнут... Это еще бабушка на трое разлила.

– Я предлагаю тебе безопасность в обмен на сотрудничество. Несколько вопросов, несколько честных ответов. Я отпущу тебя на все четыре, дам возможность залечь на дно, пока не уляжется пыль.

– Я торгуюсь.

– Ты женат? Дети есть? – спросил Липатов, хотя знал все подробности личной жизни Жбанова.

– Детей нет, – Жбан усмехнулся. – Все недосуг было их наклепать. Насколько я помню, меня угораздило жениться пару или тройку раз. Какая разница, когда все в прошлом.

– Значит, некому будет принести цветы на твою могилу? – сделал неожиданный вывод следователь.

– Я цветы не люблю. Сейчас, при жизни. А после смерти они мне нужны, как собаке тусы.

Липатов достал из ящика стола разовый пропуск, размашисто подписал его, поставил число и время. Кинул бумажку на стол.

– Хрен с тобой, – сказал он. – Ты меня настолько затрахал, что я того гляди рожу какого-нибудь убудка. Вроде тебя. Забирай пропуск и проваливай. С глаз моих подальше.

Жбан схватил бумажку. Вскочил со стула и, пятясь спиной к двери, вышел из кабинета. Казалось, следователь скамандует «назад». Но Липатов, кажется, тут же забыл о существовании Жбанова.

* * *

Место и время для встречи подобрали не самое удачное. Бирюков долго колесил по каким-то незнакомым улицам, где вместо домов высились прямоугольники складов и фабрик. Труба котельной пускала дым в темно небо. К ночи собрался дождь, низко нависли тучи. Первые тяжелые капли застучали по лобовому стеклу, капоту и крыше автомобиля. Прохожие словно повымирили. Бирюков притормозил у мачты городского освещения, в тусклом свете фонаря увидел указатель поворота и надпись «Брюховский тупик», выведенную краской на проржавевшем листе железа. Кажется, он нашел, что искал. Чертыхнувшись, Бирюков включил фары дальнего света, свернул на узкую дорогу, разбитую тяжелыми грузовиками. С обеих

сторон этот черный аппендицит, где два автомобиля разъедутся с трудом, зажали бетонные заборы, поверху которых тянулись нитки ржавой колючки. Темно и сыро, как в водосточной трубе.

Бирюков остановил машину возле покосившихся на сторону железных ворот, которые, кажется, никто не отпирал в последнее десятилетие. Он не выключил фары, не ровен час, какой-нибудь грузовик влетит в него со всей дури, раскатает «жигуль» в лепешку и даже того не заметит. Половина двенадцатого ночи. Архипову самое время появиться, но его до сих пор нет. Бирюков сидел в кресле, поглядывая на кейс, лежавший рядом, на переднем сидении. Ему не нравилось это позднее свидание у черта на куличиках, не нравилась промозглая ночь. Но отказать владельцу галереи «Камея», если тот настаивает на срочной встрече, если хочет получить свой чемодан именно здесь, в городской промышленной зоне, язык не повернулся. Бирюков слушал ночной дождь и размышлял о том, что дела его пока складываются удачно.

Гарнитур с изумрудами и бриллиантами он отнес в крупный антикварный магазин, который скупал у населения ценные ювелирные изделия. «По моему мнению, качество камней безупречное, – сказал приемщик. Битые полчаса этот лысый старик разглядывал драгоценности через увеличительное стекло, а на сертификат бельгийской фирмы даже не взглянул. – Если вы оставите у нас кольцо и серьги, думаю, сможете выручить за них примерно сорок-сорок пять тысяч долларов. Но сейчас неудачное время для продаж. Летний застой в делах. Если бы вы потерпели хотя бы до середины октября, ваш гарнитур не пролежал на прилавке и недели. И цену можно было поставить чуть повыше. А сейчас... Возможны задержки. Длительные задержки. Кроме того, ценности должен оценить специалист. Мы приглашаем ювелира из Гохрана, он консультирует нас, когда речь идет о дорогих вещах».

Дело кончилось тем, что Бирюков настоял на разговоре с управляющим. «Я хочу получить за эту музыку тридцать штукарей», – сказал Бирюков, когда его проводили в кабинет, где за столом сидел моложавый дядька в вызывающе ярком клетчатом пиджаке. Мужчина назвался Сергеем Сергеевичем. Он выслушал посетителя, снисходительно кивая головой. «Хотеть не вредно», – усмехнулся управляющий и вытащил из верхнего ящика толстую лупу. Через пять минут от иронического настроения не осталось и следа.

Сергей Сергеевич сделался серьезным, даже застегнул вторую пуговицу пиджака. «Тридцать тысяч – это реальные деньги, – сказал он. Видно, наметил будущего покупателя, прикинул навар, который отложится в кармане. – Думаю, вы можете получить эти деньги, скажем, дней через пять. Я немного разбираюсь в камнях, но их должен оценить специалист. Таков порядок. Мы напишем расписку, что ваш гарнитур, ориентировочная стоимость которого тридцать тысяч долларов, взят магазином на комиссию. Договорились? Документы при себе? Вот и хорошо». Бирюков не рассчитывал, что от гарнитура удастся избавиться быстрее, чем за неделю. Он подписал бумаги и с легким сердцем покинул кабинет.

...Около полуночи сквозь пелену дождя прорезался тусклый свет автомобильных фар. Машина двигалась медленно, раскачиваясь, колеса увязали в глубоких колеях. Это была светлая «пятерка» с затемненными стеклами и номером, забрызганным грязью. Автомобиль остановился в нескольких метрах от передка «девятки», мигнул фарами. Бирюков распахнул дверцу, подхватил чемоданчик, наступив в лужу, мгновенно промочив легкие туфли.

Глава шестая

Горящие фары слепили глаза, Бирюков видел, как открылась задняя дверь «пятерки», показался человеческий силуэт. Высокий плотный мужчина в плаще. Через секунду с переднего пассажирского сидения вылез Архипов. Глядя себе под ноги, чтобы не поскользнуться на скользкой грязи и не грохнуться в лужу, медленно двинулся вперед, остановился, протянул для пожатия левую руку. Мужчина в плаще последовал за ним. Когда ладони соприкоснулись, Архипов так надавил указательным пальцем на запястье Бирюкова, что тот едва не вскрикнул от боли.

– Познакомься, – хозяин галереи посмотрел за спину, но руку Бирюкова не выпустил, еще крепче сдавил. – Это мой приятель Ашот. Отдай ему чемодан.

Мужчина в плаще молча кивнул головой и взял кейс.

– Что с тобой? – Бирюков насилу высвободил руку. – Впотьмах на грабли наступил?

Прищурившись, он рассматривал физиономию хозяина картинной галереи. Физиономию изрядно помятую. Рассечение над левой бровью, губы распухшие, под глазом расплылся овал синяка, на скуле запеклась сукровица. Ладонь правой руки кое-как на скорую руку перехвачена серым от грязи бинтом, сквозь который проступают пятна крови. Одет галерейщик так, будто сутками валялся на свалке в обнимку с бомжами. Мятый пиджак в бурых подтеках то ли кетчупа, то ли грязи, несвежая рубашка, засаленный галстук.

– Немного переборщил с этим делом, – Архипов щелкнул пальцем по горлу и подмигнул собеседнику. – Сдуру сел за руль мухой. Поехал за город к одной знакомой...

– И не вписался в поворот?

– Ты догадливый, – Архипов снова подмигнул одним глазом. – Я шел на приличной скорости, вылетел с трассы. И вцепился в столб. Не знаю, что со мной случилось. Обычно я пьяный вожу машину лучше, чем трезвый. Но в тот раз просто не повезло. Моторный отсек всмятку. Двигатель чуть не вылетел в салон. Машина, как говорится, не подлежит восстановлению. А я, как видишь, легко отделался. Синяки, порезы от битого стекла.

– Всего-навсего?

– Да, несколько царапин. И всех дел...

– Подушка безопасности сработала?

– Подушки тот автомобиль не укомплектован. А, хрен с этим делом, рассказывать не хочется. На людях появляться с такой рожей не рекомендуется. Все-таки я хозяин картинной галереи, а не подзаборный ханыга. Поэтому сейчас отсиживаюсь, как партизан, у него на даче, – Архипов кивнул на армянина. – Спасибо, приютил. Ты, наверное, знаешь, что такое кавказское гостеприимство. О, такая штука... Если уж попал в гости к кавказцу, к такому человеку как Ашот, очень трудно потом выбраться обратно домой.

– Там пора, – вставил реплику Карапетян. Армянин говорил низким простуженным голосом, явственно звучала нотка раздражения. Видимо, он считал лишними, совершенно неуместными слова о кавказском гостеприимстве. – Тебе пора спать. Врач велел лечь не позже двенадцати.

– Сейчас, сейчас, – скороговоркой ответил Архипов. – Уже иду. Если встретишь кого-нибудь из наших общих знакомых, скажи, что я почти в порядке. Скоро, как только заживет все это дерьмо, появлюсь на работе.

Ночной ливень не располагал к светской беседе, но Бирюков еще не удовлетворил любопытства. Он стоял ногами в луже, потому что сухого места, куда не кинь глаз, не находилось, стирал с лица дождевые капли, и слушал Архипова, понимая: творится что-то странное, не поддающееся объяснению. Сочувственно кивал головой и спрашивал себя: с какой стати хозяин «Камеи» так безбожно и бездарно врет. При подобной аварии галерейщику обеспечен как

минимум двусторонний перелом ребер, с пятого по седьмое включительно. Но ребра целы. И если хорошенько приглядеться, заметно, что свои «царапины» Архипов получил не в один день и час. Разбитые губы подсохли, заживают, а вот отметина над бровью и фонарь под глазом совсем свежие, едва ли не светятся в темноте.

– В конце сентября в «Камее» открывается большая выставка, – сказал Архипов. – Нужно утрясти тысяча и одну проблему. Боюсь, как бы это мероприятие не сорвалось.

Ашот, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, опустив свободную руку в кармане плаща. Кажется, он был недоволен тем, что беседа затягивается и уходит в сторону. Армянин покашливал в кулак, давая понять, что самое время закругляться.

– Еще одна просьба, – сказал Архипов. – Последняя. На днях из Варшавы приезжает тот самый дипломат, ну, которого ты уже встречал на Белорусском вокзале. Не затруднит еще раз съездить за посылкой? Я заказал кое-какие безделушки для своей галереи. Но не хочу в таком виде показываться на глаза Сахно.

– Встречу, – пообещал Бирюков.

– Вот и прекрасно, – оживился Архипов, он попробовал улыбнуться, но на лице выступила гримаса боли. – Я тебе позвоню. Скажу номер поезда и время прибытия.

Он протянул левую здоровую руку для прощального пожатия. Через мгновение Бирюков ощутил в своей ладони то маленький ли камушек, то ли плотно скатанный бумажный шарик. Карапетян похлопал пленника по плечу. Рука Архипова дрогнула, шарик, вывалившись из ладони, упал в дорожную грязь. Бирюков не посмотрел вниз, боясь взглядом выдать себя.

Он остался стоять на дороге, наблюдая, как Карапетян и Архипов садятся в «пятерку», машина, выплевывая грязь из-под покрышек, дает задний ход, осторожно разворачивается. Мигают стоп-сигналы, удаляются фонари. И вот уже темная дорога пуста. Присев на корточки, Бирюков двумя пальцами выудил из лужи бумажный шарик, пропитавшейся грязной водой, запачканный грязью. Скорее всего, это записка, прочитать которую сейчас невозможно, мокрая бумага просто расплывется в руках. Бирюков вытащил носовой платок, аккуратно завернул в него бумажный шарик. Залез в машину, чувствуя, что пиджак промок насквозь, а в ботинках хлюпает вода, дал задний ход. И через десять минут выехал на оживленную трассу.

* * *

...Закрыв квартиру, Бирюков разделся до трусов, натянув сухую майку и тренировочные штаны. Он налил полстакана водки, разбавив сорокоградусную томатным соком, добавил молотого черного перца. И, размешав пойло пальцем, прикончил его в три глотка. Чувствуя, как тепло расходится в крови, он заперся в ванной комнате, превращенной в фотолабораторию. Положил бумажный шарик на кусок черной гладкой пластмассы, осторожно развернул бумажку пинцетом. Пятидесятидолларовая купюра пропиталась грязной водой, но осталась целой, даже не порвалась по краям.

Бирюков скатал ватный тампон, смочил его в ацетоне, осторожно удалил с банкноты мелкие частицы грязи. Затем взял небольшой стеклянный прямоугольник, положил его поверх банкноты на кусок пластмассы, зафиксировал стекло широким скотчем. Вытащил из ящичка для инструментов лупу с пятнадцатикратным увеличением, включил лампу фотоувеличителя. Бумажка была испещрена мелкими дырочками, если приглядеться, даже без помощи лупы, дырочки легко складывались в буквы, а буквы в слова. Теперь, когда грязь с банкноты удалена, записку Архипова можно прочитать без особого труда. Буквы послания выколоты на бумаге чем-то острым, тонкой проволокой, иглой или зубочисткой. «Я в беде. Не ходи к ментам. Иди к Максиму. Скажи: ты получил телеграмму. Он поможет». Далее следовал номер московского телефона, после которого начиналась новая фраза, но ее Архипову помешали закончить: «Они треб...» Бирюков взял с полочки пачку сигарет, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся.

Если прочитать записку, а затем вспомнить иносказания Архипова, намеки, касающиеся кавказского гостеприимства, его синяки, ссадины, грязную бинт в пятнах засохшей крови... Выводы сделать не сложно. Галерейщик влип в историю, которая может закончиться в неглубокой могиле где-нибудь за городом. Но если обстоятельства складываются настолько паршиво, почему он пишет: «Не ходи к ментам?» И кто такой Макс? Бирюков отлепил полоски скотча от стекла, высушил купюру феном и положил ее в бумажник.

Он прошел в комнату, с пола до потолка заваленную картинами, присев на стул, опустил крышку секретера. Достав с верхней полочки конверт из плотной бумаги, высыпал на столешницу сотенные долларовые купюры, которые сегодня днем получил в антикварном магазине за бельгийский гарнитур: колье с изумрудами и серьги с бриллиантами. Ровно тридцать тысяч долларов. Пересчитав деньги, разделил их на две неравные части. Все по справедливости. Двадцать тысяч – доля Бирюкова. Это он сумел зубами вырвать заказ на оформление фойе Дворца культуры, он делал эскизы, утрясал все проблемы с прежним руководителем комбината минеральных удобрений, согласовывал варианты набросков. Десять тысяч – для Павла Ершова, ассистента, который помогал расписывать стену фойе. Через несколько дней он вернется из Краснодара, где гостит у тестя, и получит свои деньги.

Рассовав деньги в два конверта, Бирюков засунул их между словарем художественных терминов и кратким географическим справочником. Здесь же, в секретере, стопкой лежали фотографии Дашкевича, растянувшегося на гостиничной койке в обнимку с проституткой по имени Марго. Пожалуй, карточки можно порвать и выбросить. Впрочем, пусть пока полежат. Кто знает, чего ждать от Дашкевича. Фотографии могут пригодиться.

Бирюков запер секретер на ключ, погасил свет и лег спать.

* * *

После обеда в камере «Матросской тишины» чувствовалось какое-то необъяснимое оживление. Николай Осадчий сидел на нижней шконке возле перегородки, за которой булькал неисправный бачок унитаза, и прислушивался к чужим разговорам, ловил каждый звук.

Здесьшний авторитет по кличке Профессор, щуплый преклонных лет мужчина, всегда неразговорчивый и мрачный, долго шептался в углу с неким Пиночетом, бритым наголо амбалом, на затылке которого была выколота фашистская свастика. Осадчий, хоть и отмотал на Украине два коротких лагерных срока, в «Матросской тишине» был чужаком, едва ли не фразером, который мог приблизиться к Профессору лишь, когда тот поманит пальцем. Но Профессор не баловал сокамерников своим вниманием. Пиночет же нагонял на окружающих ужас. Никто не знал, что написано в его обвинительном заключении, хранившимся в кармане спортивных штанов, но и без очков видно, что на молодце висит не одно мокрое дело. Пиночет был единственным человеком из камеры, кого уводили в следственный кабинет в наручниках и там на время допроса пристегивали к столу.

Сегодня, закончив перешептываться с Профессором, Пиночет, молча ухватил за майку и скинул с верхней шконки какого-то лоха. Забравшись на его место, отвернулся к стене и прохрапел до вечера.

После ужина на нижнюю шконку присел Саша Лобов, молодой человек, востроносенький и щуплый, с которым у Осадчего завязалось что-то вроде дружбы. Лобов обвинялся в убийстве батюшки, служившего в одном из подмосковных приходов, и хищении церковных ценностей. Ночью возле храма, откуда вор пытался вынести несколько икон и серебряную купель, неожиданно появился священник, и сдуру попытался остановить злоумышленника. Лобов бросил на землю корыто и доски, выхватил из-за пазухи нож с длинным трехгранным клинком и нанес попу несколько сквозных ранений в грудь. Наутро священника в рясе, насквозь пропитанной кровью, привезли в районную больницу, там он и скончался, не приходя в сознание.

Лобова задержали, когда тот пытался после окончания футбольного матча в Лужниках сбыть иностранцам почерневшие от времени иконы. Где находится оклады икон, украшенные драгоценными камнями, и куда делась старинная серебряная купель, следствию установить не удалось. Здесь, в камере, Саша Лобов рассказывал, что сам некогда учился в семинарии, откуда был изгнан то ли за вольнодумство, то ли за воровство. К месту и не к месту, даже справляя большую нужду, он поминал Господа Бога. Суд над Лобовым уже состоялся, но чудесным образом бывший семинарист избежал этапа и зоны строгого режима. Эксперты института имени Сербского определили, что он невменяем, то есть страдает тяжелой формой шизофрении. Со дня на день Лобова должны были перевести из «Матросской тишины» в психушку закрытого типа. Осадчий рассудил, что у молодого человека есть на воле влиятельные друзья или очень богатые родственники.

Лобов не был психом, но мучался глубоким надсадным кашлем, харкал в унитаз мокротой с кровью. За прошлую неделю он дважды терял сознание от жары. И вертухаи за ноги вытаскивали бывшего семинариста в коридор, чтобы там, лежа на бетонном полу, он мог отдышаться и прийти в себя.

– Кушать хочешь?

Лобов и, не дожидаясь ответа, вложил в ладонь Осадчего ломоть хлеба, покрытый тремя кружками колбасы.

– Спасибо, я отдам, – поблагодарил Осадчий.

Неделю, как он отправил матери письмо, просил собрать ему дачку: соленого сала, сушеной рыбы и папирос без фильтра. Стыдно ему, здоровому лбу, сидеть на подсое у молокососа Лобова.

– Ну, и дела творятся... Жуткие, Господи помилуй. С воли в соседнюю камеру пришла малява.

– Что за малява? – равнодушно спросил Осадчий, перемалывая зубами жесткую колбасу.

– Сегодня ночью одного фраера кончать будут, – Лобов показал большим пальцем себе за спину. – Ну, в той камере, через стену...

– То есть как это, кончать? – Осадчий поперхнулся куском.

– Натурально кончать, во имя отца и сына и Святого духа, – сказал Лобов. – Тот фраер много болтал на предварительном следствии. И вообще... Кому-то на воле он очень не нравится. А тюремная почта, слава Богу, работает лучше московского телеграфа.

– Болтал на следствии? – переспросил Осадчий. Он снова ощутил себя полным ничтожеством. Впервые попав в большую московскую тюрьму, он, как ни старался, не понял здешних порядков. – И за это кончать?

– А что ему, задницу расцеловать? Прости Господи.

– За болтовню не кончают.

– Это ж не я так решил, – ответил Лобов. – Господи, спаси. На воле решили. Семье того мужика, кто исполнит смертный приговор, переведут большие бабки. Очень большие. А ему самому обещают шикарный подогорев, за то, что возьмет на душу такой грех. Дадут все, чего он захочет. Жратва, деньги, – это само собой. Даже циклодол, чтобы чувак торчал целыми днями. И ни о чем таком не вздыхал. Ну, за такие блага кто хочешь кровью испачкается. Любой гад, прости Господи.

Осадчий дожевывал колбасу и ждал, когда мужик, отсыпавшейся на нижнем ярусе, освободит место и можно будет спокойно лечь и вздремнуть. Минута текла за минутой, темнота за окном сгущалась. Осадчий ждал и думал о том, что сам наболтал лишнего прокурорскому следователю. Рассчитывал на поблажки, на одиночную камеру, наконец, на то, что заседатели скостят срок. Но Липатов как сквозь землю пропал, Осадчего не выдергивали на допросы вторую неделю. Видимо, новые показания от него уже не требуются. Осадчего выжали, как тряпку, и заткнули сюда, в эту душегубку, общую камеру с ее волчьими законами.

Последние дни, проведенные среди уголовников, в основном тупых бытовиков, показались вечностью. Гнетущая августовская жара сменилась дождями, которые не принесли облегчения. В камеру, рассчитанную на двенадцать рыл напихали двадцать восемь человек, которые были вынуждены спать посменно на двухъярусных нарах. В воздухе висели нездоровые миазмы, пахло нечистотами, невымытыми мужскими телами и хлоркой. Осадчий с нежностью вспоминал девятый тюремный блок, свою одиночку, где дышалось легко, а в горло лезла даже несъедобная баланда. И думал о том, что нужно набраться сил, пережить пару трудных дней и ночей, а там легче станет. Шли разговоры, что днями будет большой этап. Едва ли не треть населения камеры, человек десять, уже осужденных, разбросают по пересыльным тюрьмам. И дышать станет легче.

Около в одиннадцати нижняя шконка освободилась. Осадчий улегся на провонявший потом матрас, подложив под тяжелую голову локоть, и подумал, что какой-то человек в камере через стенку не доживет до утра. Завтра весь день только об этом и будет разговоров: пришили суку. Осадчий зевнул и тут же перешагнул границу между бодрствованием и глубоким сном.

Он проснулся в полете, когда неведомая сила столкнула его вниз со шконки, бросила на пол. Еще не сообразив, что происходит, ударился затылком об пол, пытался закричать, но в зубы ему вцепился тяжелый кулак. Крик застрял в горле. Осадчий что-то промычал, открыл глаза. Он лежал поперек камеры, видел перед собой темный потрескавшийся потолок и лица сокамерников, склонившиеся над своей жертвой. Кто-то уселся на его ноги, кто-то навалился на предплечья, крепко прижав руки к полу. Кто-то сдавил виски коленями, словно стянул голову стальным обручем. Кто-то налег на подбородок, чтобы рот Осадчего оставался открытым.

Лобов, широко раздвинув ноги, сидел на его груди, крепко сжимая бока своими жилистыми бедрами. Руками он забрался в раскрытый рот Осадчего, шевелил там пальцами, нащупывая язык. Во рту собиралась кровь, она попадала в бронхи, мешала дышать.

– Ну, не дергайся, ради Бога, – шептал Лобов. – Тебе же лучше, братан. Спокойно. Это же не больно. Ну, вот так... Потерпи, во имя отца, мать твою, и сына, и Святого духа. Лежи, тварь.

На секунду Лобов вытащил руку изо рта Осадчего, поднял ее. Кто-то вложил в пальцы семинариста «мойку», лезвие опасной бритвы, с одной стороны обмотанное изоляционной лентой. Осадчий почувствовал, металлический вкус во рту, лезвие распорол язык, вошло в небо. Снова полоснуло по языку.

– Тихо, пожалуйста, – шептал Лобов. Он покрылся крупной испариной, пот щипал в глаза, капал с кончика носа. Когда Осадчий кашлял, выплевывая изо рта кровь, красные капли попадали на подбородок и шею Лобова. – Ради Господа... Сука, не дергайся, тебе говорят... Лежи мать твою, во имя отца... Господи, что за наказание...

Собрав все силы, Осадчий изогнулся дугой, пытаясь сбросить с себя семинариста. Не тут-то было... Он чуть повернул голову, скосил глаза в сторону. Горела лампочка в железной сетке. К двери приник какой-то жох, он вслушивался в шаги контролера. Осадчий с тоской подумал: когда вертухай подойдет к глазку, повернет «вертушку» и заглянет в камеру, все уже кончится. Давно кончится... Труп засунут под матрас, где он пролежит до побудки. Утром контролеры извлекут окровавленное уже холодное тело, бросят на пол. Затем перетащат в судебный морг. Начнется следствие. Пиночета и Профессора потаскают по следственным кабинетам. Но дело вскоре заглохнет, потому что ни казни, ни убийц в переполненной людьми камере, разумеется, никто не видел. Потому что все дрыхли...

Осадчий чувствовал, что силы уходят от него, рот заполнен горячей кровью. Он кашлял и задыхался. Фигура сидящего на груди Лобова двоилось, уплывала куда-то вверх, к темному потолку, и снова летела вниз. Бритва резала рот.

– Кончай скорей, – откуда-то сверху отозвался Пиночет. Он сидел задом на правой руке Осадчего, не давая тому шевелиться. Руками нажимал на подбородок, чтобы рот жертвы не

закрывался. Рожа Пиночета покраснела от натуги, на шее вздулись синие жилы. – Здоровый, тварь. Кончай, я говорю, скорее...

– Сейчас, сейчас, во имя отца, – шептал Лобов. – Никак не ухвачу. Сука, бля, скользкий... Господи, мать твою за ляжку. Ой, бля.

Откуда-то сверху, кажется, с потолка спустилось лицо Профессора, морщинистое, похожее на синий сдувающийся шарик.

– Хватит, хватит, – приказал Профессор. – Режь ему сонники. Режь...

Осадчий хотел сказать какое-то последнее спасительное слово. Но тут почувствовал, что языка во рту больше нет. В пылу борьбы он выплюнул отрезанный язык, сам того не заметив. Он захлебывается кровью, задыхается. Подступает темнота.

* * *

Разговор в прокуратуре нагнал на Максима Жбанова такого страху, что два дня подряд он не смел высунуть носа из квартиры любовницы Галины, а на две ночи потерял сон. К утру третьего дня Максим немного успокоился и собрался с мыслями. Что, собственно, произошло? – спрашивал он себя, выпивая вторую чашку кофе и рассеяно наблюдая, как Галя укладывает в сумку харчи и выпивку, купленные накануне для дачной поездки. Если разбираться, ничего страшного не случилось: Максим жив, здоров, мало того, он на свободе. Оперативники ловко подловили Жбанова, выяснили, где находится его лежбище. Четыре дня назад он позвонил в больницу, где вторую неделю валялась мать, а женщина, сообщавшая родственникам о самочувствии пациентов, наврала, будто Варвара Семеновна чуть ли не при смерти. Видно, рядом стоял мент и подсказывал, что нужно говорить в трубку. Жбанов сорвался с места, взял тачку и, как наскипидаренный, примчался в больницу, а там, у входа в главный корпус, его ждали три опера и микроавтобус.

Максима привезли сначала в отдел внутренних дел, затем в межрайонную прокуратуру, но после разговора со старшим следователем Липатовым, неожиданно, без предъявления обвинения, отпустили с миром. Даже подписку не взяли. Максим ожидал от оперов и прокурорского следака любой пакости, самой гнусной провокации, пакетика героина или пары пистолетных патронов, подброшенных в карман. Ведь им, как ни крути, нужен повод для ареста. Но дождался свободы. Из здания прокуратуры он вылетел на крыльях, все никак не мог поверить своему счастью. Рысью промчался квартал по тихой улице, едва не сбив на бегу зазевавшуюся тетку. И наконец понял, что за ним никто не гонится. Жбан сбавил обороты, вытер мокрый лоб, остановил машину и назвал адрес Галины. По дороге завернул в магазин, взял водки и закуски.

И только прибежав сюда, махнув стакан «русской», понял, что радоваться особо нечему. Следователь прав: Жбанов прокололся, передав фальшивые доллары старику Нифонтову. И теперь находится на прицеле у прокуратуры. Разумеется, вины Жбанова в том проколе нет. Но бизнесу пришел конец. Никто из прежних компаньонов не рискнет использовать его в важных делах. Не ровен час, люди, на которых работал Максим, узнают, что того целый день держали в прокуратуре и отпустили с миром. Узнают и спросят: о чем был базар? И если Жбанова подозревают в связи с фальшивомонетчиками, почему он не в изоляторе временного содержания, а на квартире любовницы? Не заложил ли Максим кого-то из знакомых в обмен на свободу, не стукнул ли? Теперь, когда он стал лишним в чужой игре, возможны все варианты, все сценарии. Самые худшие. Недобрые предчувствия росли в душе, как на дрожжах, Максим гнал от себя тревожные мысли, но они возвращались.

На следующий день он получил от любовницы новый мобильный телефон, оформленный на имя ее подруги, и стал названивать в галерею «Камея». Но, странное дело, Архипов не появился на рабочем месте. Секретарь ответила, что босса не было и, видимо, он уже не будет. И где он находится, неизвестно. Забыв о мерах предосторожности, Максим набрал номер

домашнего телефона Архипова, затем позвонил на его мобильник. И тут облом, трубку не снимали. Ни на следующий день, ни сегодня утром галерейщик не появился ни в своей «Камее», ни у себя дома. Вопрос: получил ли Архипов посылку на вокзале? А если получил, состоялась ли сделка с теми парнями из Сокольников? Ответить мог только сам Архипов, но где его искать... Вчера Максим понял, что сидеть в четырех стенах, пить водку и сходить с ума от неизвестности, выше его сил. Он позвонил областной строительный главк, где работала Галя, уговорил любовницу с завтрашнего дня выпросить у начальника неделю за свой счет, чтобы пожить несколько дней на даче.

Сейчас Галя, вставшая чуть свет, уже закончила собрать вещи, Максиму осталось покидать в дорожную сумку кое-какие шмотки, и можно трогаться в путь. Звонок тренькнул в тот момент, когда Жбан допил кофе и поднялся на ноги.

– Не ходи, – сказал он Галине. – Сам открою.

Жбан прошел в прихожую, посмотрел в глазок. С другой стороны двери стоял незнакомый мужчина в сером пиджаке.

– Что нужно? – спросил Жбан, не любивший не званых гостей. Не отрываясь, он смотрел в глазок, наблюдая за выражением лица незнакомца, стараясь догадаться, что за персонаж появился на горизонте и каким ветром его сюда занесло. – Картошку продаешь?

– Хочу поговорить, – ответил Бирюков. – Я получил телеграмму от нашего общего знакомого.

Жбан, мгновенно сообразив, о чем идет речь, зажег в прихожей свет, сбросил цепочку. Повернув замок, распахнул дверь.

– Проходи.

– Ты Макс? – спросил Бирюков.

Жбан проворно запер дверь, шагнул к незнакомцу, прижав палец к губам, прошептал в самое ухо гостя:

– Больше ни слова. Пойдем в комнату.

Из кухни появилась Галя. Она остановилась посередине коридора, вопросительно посмотрела на взволнованного Максима, но тот лишь раздраженно махнул рукой:

– Иди, собирайся. Ко мне человек пришел.

Он поманил Бирюкова пальцем, завел в большую комнату, плотно прикрыл дверь в коридор. Показал на кресло, мол, садись. Отошел в угол, где на буфете стояла магнитола, включил радио, врубив звук на полную катушку. Взяв стул, Жбан поставил его рядом с креслом, наклонился к гостю, прокричал ему в самое ухо:

– Я думаю, что за этой хатой следят менты. Наверняка слушают телефон и все разговоры, которые происходят в квартире. Я не знаю, каким способом они это делают. Но современная техника позволяет услышать все, что хочешь услышать.

– Успокойся, – покачал головой Бирюков. – Ты не резидент иностранной разведки. Никто не станет привлекать ради твоей разработки такие силы и средства. Следить, слушать телефон и квартиру... Ради чего? Кому это надо?

– Если ты ни хрена не понимаешь, лучше помалкивай. Я говорю: меня пасут и слушают. Поэтому я не могу больше тут оставаться. Прямо сейчас уезжаю на дачу к своей бабе. Ты ее в коридоре видел. Поэтому рассказывай коротко, в телеграфном стиле. Что с Архиповым?

– Коротко не получится, – прокричал в ответ Бирюков. – Архипов передал мне записку. Написал номер телефона. Он пишет, чтобы не ходил к ментам, обратился к тебе. Вчера я обзвонил телефон той девчонки, но никто не снимал трубку. Я выяснил твой адрес по телефонному номеру и пришел сюда.

– Я не подхожу к телефону. Сам звоню кому надо. Что с Архиповым?

Бирюков пересказал свою историю, начав с того дня, когда он пришел в картинную галерею «Камея», чтобы забрать свою непроданную картину, а вместо ее получил двести пятьдесят

долларов. И закончил позавчерашним вечером, когда в темном проезде рядом с промышленной зоной передал в руки кавказца по имени Ашот чемоданчик и нашел в дорожной грязи записку от Архипова – пятидесяти долларовую купюру с выколотым на ней текстом.

Глава седьмая

Жбан долго мял ладонью подбородок. Наконец встал со стула, прошелся по комнате, выключил радио и сел на прежнее место. Он поманил Бирюкова пальцем и прошептал в ухо:

– Слушай, ты человек посторонний. Поэтому не лезь в это дерьмо. Тут свои законы выживания. Каждый идет на дно или выплывает наверх по одиночке. Если я хоть пальцем пошевелю, чтобы помочь нашему знакомому, считай, я спекся. В прокуратуре под меня копают. Я совершу хоть одну ошибку, меня прихлопнут, как муху. Надо мной висит десять-двенадцать лет лагерей с конфискацией. Но конфискация это так, мелочь... Потому что две пятилетки за забором я не протяну, сдохну. Ты сам должен понимать такие вещи.

– Значит, Архипов пусть пропадает...

– А ты что, мать твою, самый жалостливый? Ты гуманист, а я дерьмо на лопате?

– Я не самый великий гуманист, но...

– Где купюра, на которой он выколол свою записку?

– У меня дома.

– Знаешь что... Разорви ее на мелкие клочки. Брось бумажки в унитаз и спусти воду. А потом навсегда забудь о том, что с тобой произошло. Забудь об Архипове. О том кейсе, что ты получил на вокзале. О дипломате Сахно. И, главное, навсегда забудь обо мне. Ты сюда не приходил. Мы с тобой не виделись и не разговаривали. Я ничего не знаю и не хочу знать. А если до прокурора дойдет, что ты побывал в квартире, я буду настаивать, что ты ошибся дверью. А потом попросил попить воды, я и пустил тебя. По доброте душевной. И моя баба эти слова подтвердит. Ты понял? Забудь все. А теперь прощай.

– А если я все-таки пойду к ментам?

– Архипову этим не поможешь, – прошептал Жбан. – А себе сделаешь хуже. Тебя приютят за соучастие. Ты представления не имеешь, с кем связался. Нет, к ментам ты точно не пойдешь.

– А это еще почему?

Жбан вытянул руку и ткнул пальцем в обнаженное запястье собеседника. На левой руке Бирюкова был выколот олень на фоне восходящего над горизонтом солнца.

– Вот поэтому, – Жбан обнажил в улыбке зубы. – Я же знаю, что это за татуировка, что она означает: отбывал срок на севере. Интересно, по какой статье ты чалился? Пьяного обобрал? Или вырвал сумочку у слепой старухи? Ну, что скажешь?

– Что скажу? – Бирюков поднялся с кресла. – Это не твое дело, вонючка. Говнюк чертов.

Бирюков достал из заднего кармана брюк пятидесятидолларовую банкноту, потрянул ей перед носом Жбана и проворно спрятал в карман.

– Вот она записка с выколотым текстом, – прошипел он. – Она упала в грязь, и я очистил бумагу ацетоном, чтобы можно было разобрать слова. Нужно было использовать очищенный бензин, но его под рукой не оказалось. Ацетон слишком сильный растворитель. Когда я глянул на купюру утром при свете солнца...

– Тише, тише, – замахал руками Жбан. – Пожалуйста, шепотом.

– Утром я заметил, что краска поблекла, – понизил голос Бирюков. – На настоящих долларах краска не меняет цвета. Отсюда я сделал вывод... Я понял, что было в том кейсе. Эти кавказцы – покупатели левых долларов. С Архиповым они не сошлись в цене или просто хотят его кинуть. Так?

– Так, все так, – Жбан молитвенно прижимал к груди дрожащие руки. – Ты прав на все сто. Умоляю, говори тише.

– В таком случае, до свидания.

– Подожди, не горячись, – Жбан вскочил, опрокинув стул, приложил палец к губам и перешел на едва слышный шепот. – Я не могу тебе всего рассказать. Сейчас я занимаюсь спасением собственной шкуры. Поэтому мои возможности, как бы это сказать... Возможности ограничены. Но если Архипов еще раз позвонит тебе, ты сделаешь все, что он попросит.

– Почему я должен рисковать задницей? Назови хоть одну причину.

Бирюков сграбастал Жбана за ворот рубахи, притянул к себе. На пол посыпались отлетевшие пуговицы.

– Ну, отвечай.

– Архипов умеет быть щедрым человеком, – прохрипел Жбанов, чувствуя, как пальцы названного гостя сжимают его шею. Он не смел пошевелиться, выпучив от страха глаза, стоял смиренно, как солдат в карауле. – Если ты поможешь Архипу... Отпусти. Ты станешь обеспеченным человеком. Отпусти же, мне больно.

Бирюков ослабил хватку, толкнул Жбана в грудь так, что тот въехал спиной в стенку.

– Выходит, я приходил к тебе, чтобы выслушать умный совет?

– Я скажу тебе имя человека, с которым Архип был связан. Ну, они типа того что вместе работали. Его зовут Покровский Олег Сергеевич. Он отдыхал на юге, но, возможно, уже вернулся. Запоминай...

Выразительно шевеля губами, Жбан прошептал номер телефона.

– Нет, это ты запоминай. Ни к какому Покровскому я обращаться не стану, – покачал головой Бирюков. – Хрен тебе, понял?

Жбан выставил гостя на лестничную клетку и захлопнул дверь. Вернувшись на кухню, рухнул на табурет, потому что ноги подгибались от страха.

– Мы едем на дачу или как? – Галя вышла из спальни, остановилась на пороге, разглядывая бледное лицо своего кавалера.

– А? Чего? – голос Жбана дрожал.

– Я говорю про дачу: мы едем? Максим, что с тобой?

– Ни хрена со мной. – Жбан вытер ладонью мокрый нос. – Мы уезжаем. И чем, скорее, тем лучше. А то припрется еще какой-нибудь психованный уголовник. И придушит меня насмерть прямо в твоей квартире. Или пристрелит. А тебе останется на память мой труп. Ну, вроде как сувенир.

* * *

В международный вагон скорого поезда «Варшава – Москва» Бирюков протолкнулся, когда схлынула первая волна пассажиров. В купе, где собирал сумку Сахно, царил весенняя прохлада. Видимо, неисправный кондиционер, отравлявший существование дипломата в прошлой поездке, успели починить.

– Здравствуйте, молодой человек, – Сахно встретил Бирюкова улыбкой и энергичным рукопожатием. – Это снова вы, а это снова я. Вот ваша посылочка. Спустил ее сверху и чуть не заработал грыжу.

Он показал пальцем на большой пластиковый чемодан, занимавший едва ли не всю нижнюю полку. Сахно не мог скрыть своей радости, когда увидел Бирюкова. Видимо, опасался, что на этот раз за «посылочку» забудут встретить, и придется самому тащить неподъемный груз через весь перрон к стоянке такси, потому что всех носильщиков уже разобрали пассажиры. А затем вести чемодан домой и снова надрываться, втаскивая его в подъезд, карабкаться по ступенькам вверх, потому что лифт, как всегда, выключен.

– Надолго в Москву?

– Застряну тут на неделю, а то и на все десять дней, – охотно объяснил Сахно. – В конце сентября в посольстве большой прием в стиле а-ля-русс. Наши решили, что без красной рыбы и

черной икры гости просто опухнут. Таково кондовое мышление начальства. А поляки вообще не понимают, что такое икра. Они ее никогда не ели и не едят. По их понятиям это слишком дорого и не вкусно. Пиво, хлебная водка, кусок прожаренной говядины с луком и капустой – это в Варшаве всем понятно. Но икра... Впрочем, мне все это без разницы. Сахно должен проследить за тем, чтобы свежий продукт был отгружен в срок и отравлен по назначению. И он это сделает. Потому что дипломатия – это наука невозможного. Наука находить компромиссы там, где их нет и быть не может. И я эту науку постиг почти в совершенстве. Без ложной скромности.

– Рад за вас.

После дальней дороги Сахно не выглядел вялым и уставшим, как в прошлый раз. Легкий серый костюм в мелкую белую полоску, в который он нарядился перед самым прибытием поезда, сидел так, будто дипломат только что покинул примерочную мидовского ателье. Безукоризненно белая рубашка и бордовый галстук, расшитый мелкими фигурками тигров, не оставляли сомнений в своем благородном европейском происхождении. Английские куфли «Кларкс» на высоком наборном каблуке увеличивали рост на добрых восемь сантиметров. Сахно уложил в сумку завернутые в газету тапочки. Бирюков, задержал взгляд на газете. Кажется, московская. Бирюков успел прочитать заголовок одной из заметок «Эстафете дан старт». Тапочки исчезли в сумке.

– Мы в посольстве выписываем все наши газеты, – Сахно, угадав ход мыслей собеседника, снисходительно усмехнулся. – Разумеется, не бульварные. Такого читыва и Варшаве хватает. Выписываем серьезные газеты. Кстати, как дела на художественном фронте? Кто сейчас главный придворный живописец?

– Тут без перемен. Все те же морды.

– Скоро моя заграникомандировка подойдет к концу. Вернусь в Москву, чтобы больше никуда не уезжать. Надеюсь, не откажете мне, проконсультируете на предмет всяких там новомодных течений и веяний? – В каком смысле проконсультировать?

– Хочу купить несколько картин, – ответил Сахно. – Украсть интерьер квартиры. Старины... Это для меня слишком дорого. А вот современная живопись, пожалуй, подойдет. Что-нибудь светлое, лирическое. Русская природа, березки, елочки и палочки. Но я в этом деле профан.

– С этой задачей справится Архипов. В «Камее» полно вполне приличных картин. На любой вкус.

– А вы сами что-то пишете?

– Я работаю в урбанистическом стиле, – соврал Бирюков, чтобы сразу отбить интерес к своему творчеству. – Прокатные станы, заводы и все такое.

– И что, на такие вещи находятся покупатели? Странно... Лично я не поклонник тяжелой промышленности. Как поживает наш общий друг?

– Недавно попал в дорожное происшествие.

– Что вы говорите, – Сахно энергично всплеснул руками, чуть не свалил со стола дорожную сумку. – Надеюсь, ничего серьезного?

– Отделался парой синяков. Сейчас отлеживается на даче.

– Пусть поскорее выздоравливает. Так ему и передайте. Он нужен нам живым и здоровым.

Попрощавшись, Бирюков поднял чемодан, отметив про себя, что вес посылки никак не меньше полутора пудов, протащил багаж по узкому коридору в тамбур. Резво, не давая себе передышки, пробежался по платформе под палящим солнцем, чувствуя, что рубашка быстро пропиталась потом и прилипла к спине, а дыхание сбилось. Через пять минут он занял позицию на вокзальной площади в тени телефонной будки. Отсюда хорошо просматривалась стоянка такси, были видны не только снующие взад-вперед пассажиры с багажом, но и все автомобили,

стоявшие у кромки тротуара и на стоянке возле моста. Сахно едва ли станет мять в метро свой дорогой костюм. Одно из двух: тачка уже заказана и ждет его где-то на площади, или клиент поймает такси. Минута текла за минутой, солнце, раскалив асфальт до кипения, спряталось в облаке смога. Бирюков, изнывая от жары, терпеливо ждал.

Весь вчерашний день, он не слезал с телефона, пытался выяснить, что за птица этот Сахно. Звонки в городское адресное бюро и справочную Министерства иностранных дел не прояснили ситуацию. Пришлось пойти на компромисс с собой и позвонить знакомой девице по имени Элеонора, с которой Бирюков после очередной размолвки еще прошлой осенью решил порвать отношения. Но все не складывалось. Долгоиграющий вялый романчик, в который не вносили оживления редкие постельные сцены, продолжал крутиться. Элеонора работала референтом в самом сердце МИДа, в канцелярии, и, разумеется, знала все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.